

18+

Эрис

ФИЛА ВСАДНИКОВ



Марат Байпаков

Марат Байпаков

Эрис. Филадельфия всадников

«Издательские решения»

Байпаков М.

Эрис. Фила всадников / М. Байпаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987915-8

Сицилия, V век до нашей эры. Думаете, люди в те времена были скучны, величавы и говорили гекзаметром? Ошибаетесь! Новая книга Марата Байпакова «Эрис. Фила Всадников» расскажет вам о захватывающих приключениях молодых сицилийских аристократов и их прекрасных подруг. Честь, судьба и вечная любовь — все переплелось в магическом танце Жизни и Смерти. А внезапное путешествие из легендарного прошлого в далекое будущее поразит самое смелое воображение. Пристегните ремни, машина времени готова к старту!

ISBN 978-5-44-987915-8

© Байпаков М.
© Издательские решения

Содержание

Фила всадников	6
Часть первая.	11
Глава 1. Первый день весны	11
Глава 2. Сиссития гаморов	18
Глава 3. Дознание Мегисты	23
Глава 4. Приветственная песня и прощальная речь	28
Глава 5. Горгоны Ксантиклов	34
Глава 6. Лавка духов Писандра	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эрис Филадельфия всадников

Марат Байпаков

Редактор Евгения Белянина

Корректор Александра Приданникова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Марат Байпаков, 2025

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4498-7915-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Филадельфия всадников

*...так луна розоперстая,
поднимаясь с заходом
солнца, блеском
превосходит все звёзды...¹*

Сапфо

450 г. до н. э. Сицилия. Сиракузы. Бунт худых под предводительством Тиндариды

– Агесилай, герой Гимеры, прости, надо покинуть город. Не остановим бунт. Не справимся. Силы не равны. Худых больше, чем нас, в несколько раз. У нас есть корабли, торговые и боевые, мы ещё сможем уплыть... – Говоря горько-печальные слова, степенный муж не смотрит в глаза командиру, сжимает руками смятый бронзовый шлем. Кровавое утро бунта вот-вот обернётся жарким полднем.

– Полидам, за подмогой бежать? – Седой сухой старик, в таких почтенных годах, что и смерть забыла о нём, обеими руками, нежно, по-матерински, сжимает щёки степенного мужа. Тёплые шершавые ладони... – В соседние полисы предлагаешь обратиться? Соседи-то, конечно, посочувствуют нам. Может быть, и помогут, проявив сострадание, добрые соседи, а может, и нет. Вот только что станется с теми, кто осаждён сейчас в Ортигии, пока мы, беглецы, будем на коленях вымаливать поддержку? Сколько наши продержатся? Посмотри, Полидам, на мост: четверть Ортигии уже захвачено. Над домами гаморов дым! Над моим домом тоже серый дым. Над твоим, Полидам, такой же тёмный. Жарят человечину, изверги? Наверное, нам с тобой, Полидам, уже и некого из родных спасать! Пришло время нам с тобой искать отмщение?

Полидам стискивает до хруста зубы, лицо искажает гримаса боли, из глаз текут слёзы. Старик обводит взглядом совет воинов.

– Мужики! Гаморы! Граждане полиса! Кто подобное с горя надумал? Отправиться в изгнание? Как наши отцы с протянутыми руками подались к тирану... – (Никто из трёх десятков гаморов не поднял правых рук с оружием. Вокруг совета на агоре² Ахрадины тысяча мужчин разных возрастов в окровавленных изорванных одеждах, среди них и совсем ещё подростки.) – Тиранов уже нет на Сицилии. В тот прошлый раз тиран многое взял в оплату от отцов. Привёл бродяг-поселенцев. Навязал нам своих соратников. Вот так среди нас и появились новые, уже пришлые от тирана бунтари. Гаморы, граждане Сиракуз, гордость – наше сокровище! Не покинем город! Есть возможность подавить бунт.

Установилась тишина. Агесилай прижимает к груди трясущуюся в немых стенаниях голову степенного мужа. Полидам рыдает как ребёнок. Старик молча вытирает ладонями слёзы мужа, утратившего семью. Среди хмурых, отчаявшихся людей, сжимающих оружие, незримо поселяется надежда на спасение. Взгляды мужчин сходятся на известном герое давней битвы с Карфагеном. Старик поднимает высоко правую руку, вполголоса озвучивает обдуманную военную хитрость:

– Бросим богатую агору. Как кусок мяса, бросим винные склады голодным псам. Пусть пьют наше лучшее вино. Пусть едят нашу сочную пшеницу. Пусть грабят лавки и рынки. Бросим и корабли. Не будем искать спасения в море. Море не поможет нам! Богатая Ахрадина

¹ Возможная трактовка стихотворного отрывка Сапфо: Луна – символ богини Артемиды, богини плодородия, Солнце – символ бога Аполлона, бога света. Артемида-Луна сменяет брата Аполлона-Солнце. Неразрывная связь мужского и женского начала.

² Агора – рыночная площадь, место для исполнительной власти и обмена новостями в древнегреческих полисах.

в раскол на нас не пошла. Среди бунтовщиков нет и жителей Тихе. Вы заметили? Нищий Тихе не поддержал мятеж. Почему? Потому, что пришлые бродяги из кварталов Теменитес много возомнили о себе. Злой Тихе должен быть с нами. Нищий и гордый Тихе – наша последняя надежда. Будем пробиваться из окружения к его кварталам.

Седой старик повернулся на юг, указуя вытянутой рукой на Ортигию:

– Мятежники поджидают нас главными силами на мосту в Ортигии. Пусть там и ждут. Пробьёмся к Тихе и вооружим бедноту Сиракуз! Тогда силы сравняются. Войдём в союз с Тихе! Совместными отрядами атакуем Ортигию. С Тихе и одолеем бунт, оттуда пошлём гонца в Гелу. Быть может, великодушная Гела нам поможет гоплитами или наёмниками. Но даже если и щедрая Гела выступит на подмогу, нам не увидеть помощи раньше чем до вечерних сумерек.

Рискованный план войны принят единогласно: не только командиры вздымают оружие – тысяча храбрецов, осаждённых в агоре Ахрадины, одобряют задумку седого старика.

– Агесилай, скрытно разберём стены агоры, сделаем подкопы? Выйдем тайно в тыл осаждающим? И с обеих сторон поднажмём на предателей? – Коренастый муж с перебитым носом кивает головой, обмотанной окровавленной тряпицей, на дальние дома Ахрадины, примыкающие к агоре. Седой старик, ставший негласным стратегом осаждённых сограждан, кивает утвердительно.

– Хирисоф, возьми добровольцев, копай лазы. – Замотанная в тряпки голова исчезает в рядах отряда на агоре. Вскоре три десятка подростков устремляются вслед за Хирисофом к лавкам домашних инструментов.

– Всяк, кто может нести груз, пусть возьмёт оружие для Тихе. – Старик отыскивает глазами несколько десятков угрюмых, злых, полунагих женщин, примкнувших к обороне агоры.

– Мои рабы готовы сражаться за полис. Могу их вооружить? – Долговязый, ссутулившийся мужчина лет тридцати пяти, чёрный лицом, густо измазанный скорбной сажей, держит за руки двоих крепких юношей, выходцев из карфагенской Ливии.

– Деркелид дорогой, твоим смелым рабам дадим свободу за содействие полису. Всяким рабам дадим свободу, не только твоим. – Седой старик-стратег гордо поднимает голову. Хлопает по загорелым плечам рабов-ливийцев. В руки хищно улыбающихся юношей ложатся тяжёлые бронзовые топоры дровосеков. – Если погибнете в бою, найдём и похороним с почестями, у храма, как свободных, сложим погребальные костры для вас! Возьмите парадное оружие в моём торговом корабле. Проданный товар для богачей Сибариса. Сибарис подождёт.

Таких «содействующих» мужчин с напрасно пустующими мозолистыми руками на агоре Ахрадины добрых пять сотен. Среди них, таких не похожих друг на друга выходцев из Карфагена, Этрурии, кельтов, италийцев, – надсмотрщики над рабами невольничьего рынка, непроданные рабы, государственные рабы-полицейские, гончары-мастеровые, столяры верфи, пекари и повара съестных лавок при агоре. Несвободные и не помышляют о побеге к бунтовщикам. У каждого раба веские причины личного свойства остаться верными прежнему порядку.

Пять сотен «освобождённых», вооружённых богато декорированным оружием (предназначавшимся для Сибариса), занимают свои места в отрядах граждан, обороняющих агору. Отряды скрытно расходятся по периметру стен агоры. У холодных, в солнечном блеске бронзы, статуй богов, что в центре агоры Ахрадины, остаются старик и два десятка женщин-добровольцев при тяжёлых сумках с оружием. В руках седого стратега осаждённых короткая медная труба в виде массивного рога, закрученного спиралью. Сигнальная корабельная труба – единственное оружие и знак командного отличия.

Вино мщения, настоящее на отчаянии осаждённых, придаёт силы подросткам Деркелида. Два коротких подкопа прорыты ещё до полудня. Их выход – в комнатах богатого дома Ахрадины. Хозяин дома в тяжёлой гоплитской кирасе, в шлеме и при оружии, с перепуганными домочадцами, радостно-молча приветствует грязных мужчин из лаза. Целует, стискивает в объятиях. Дом принимает сотню неожиданных гостей. Те стряхивают землю на моза-

ику пола, оставляют следы во внутреннем дворике, бесшумно выстраиваются в три боевые колонны. Ворота дома Ахрадины тихо приоткрываются (петли хорошо смазаны). Бронза ксифосов, секир, кинжалов поблёскивает за воротами.

Крепостная стена, выходящая к прямой улице на Тихе, частично разобрана, подкопана, едва заметно наклонена в сторону улицы и укреплена деревянными подпорками. Осаждающие приходят в движение. За стенами агоры слышно бряцание оружия, команды строиться, возбуждённо-радостные крики. Бунтовщики готовятся к решающему штурму агоры и не скрывают приготовлений. Похоже, никто из мятежников не сомневается в близкой и полной победе.

Старик слушает доклад трёх командиров, что-то шепчет сидящим женщинам. Женщины встают, вскидывают сумки с оружием на плечи. Медная труба седого героя Гимеры издаёт протяжный вой. Песня сигнальной корабельной трубы чарующей силой поднимается к полуденному солнцу Сицилии. Безмятежные редкие облака ранней весны удивлённо замирают, с любопытством всматриваясь в происходящее под ними.

Невысокая крепостная стена агоры Ахрадины с жутким звуком рушится. Тяжёлые известняковые блоки падают на толпы осаждающих. Раздаётся хруст костей и дерева, перестук раскальвающихся камней, за ними следуют истошные стоны, богомерзкие проклятия, отборная ругань. Густая розово-серая завеса пыли накрывает улицу. В хаосе происходящего бунтовщики не видят широко раскрытых ворот богатого дома Ахрадины. Три колонны воинов незамеченными покидают убежище. Со стен агоры на головы враждебных отрядов иступлённым потоком сыплются острые камни. Осаждённые устремляются в образовавшийся проём. Вылазка во спасение началась.

Три атакующие колонны с безумным рёвом «А-ля-ля! Эниалий!»³ яростно обрушиваются в тыл смятённых бунтовщиков. Несколько сотен вооружённых людей, готовившихся к штурму, растеряли свою решимость. Штурмовые лестницы, таран-бревно напротив ворот агоры становятся ненужной обузой. Мятежники не успевают опомниться, паника овладевает ими. В короткий момент неожиданный бой на улице Ахрадины обращается в кровавую резню. Отряды осаждающих с обеих сторон стискивают мятущихся в ужасе бунтовщиков. Бронза в руках атакующих сеет смерть. Удары приходятся в шею, спины, бока, вопящие рты.

Мощёная улица, предназначенная для парадных шествий, залита кровью, завалена телами раненых и убитых. Крови так много, что горячий багровый ручей ищет дорогу к спокойному морю... Крики, шум сражения привлекают внимание других отрядов мятежников, что штурмуют баррикады на улицах Ортигии. Бунтовщики прекращают битву на острове, отступают с баррикад и собираются толпами на занятых башнях.

– Что там происходит?

– Откуда взялся туман?

– Штурм?

– Бой на улице Ахрадины?

– Кто кого? – слышны тревожные голоса бунтовщиков с захваченных башен акрополя Ортигии.

Но даже с башен не разглядеть, что происходит в глубине улиц Ахрадины. Видна только густая призрачная пелена, но и та, недолго повисев зловещим облаком, уносится ветерком, прилетевшим с моря. К мосту бегут спасающиеся. Их никто не преследует.

Рёв корабельной трубы из глубины агоры Ахрадины теперь отчётливо слышен и на Ортигии. Устанавливается штиль, зелёное море умолкает, даёт возможность людям насладиться отчаянным призывом к борьбе. Гаморы устремляются в атаку. Замешательство мятежников приводит и тут, на Ортигии, к ужасным последствиям для осаждающих. Сражаются жители Ортигии обоих полов и всех возрастов, выбивая мятежников не только с баррикад, но и с кре-

³ Эниалий – одно из прозвищ бога войны Ареса.

постных башен. В короткой яростной схватке гаморы захватывают единственный проход на остров. Окровавленные створки ворот крепостной башни сдвигаются с жалобным скрипом. Контроль над Ортигией вновь переходит к гаморам. За отступившими бунтовщиками остаётся мост.

Когда, уже далеко за полдень, мятежники наконец-то восстанавливают утраченный порядок в дрогнувших рядах, строятся и медленно наступают по улице фалангой, их взглядам открывается страшная картина. На трупах единомышленников пируют вороны. Чёрные птицы, не боясь, выклёвывают глаза погибшим, терзают плоть умирающих, хлопают крыльями, весело галдят в пересудах. Кровь семи сотен убитых залила камни мостовой. Осаждённых в агоре Ахрадины нет. Порядок вновь утрачен, о павших товарищах быстро забывают. Толпа бунтовщиков устремляется грабить торговую агору – в тот же самый проём, из которого совершили успешную вылазку осаждённые.

Алтарь богине Тихе. Квартал Тихе. Сиракузы. Тот же день

– Богиня-покровительница Тихе свидетельница моим клятвам! Я, гамор Агесилай, награждённый золотым венком за воинскую доблесть, построю на этом самом месте храм в твою честь, моя богиня счастья! – Седой старик-стратег приносит жертву перед скромным мраморным алтарём богини удачи. Баран принимает назначенную ему судьбу – животное стоит покорно у алтаря богини Тихе, спокойно жуёт траву, улыбается ясными глазами. Сильным ударом дубины Агесилай оглушает жертвенного барана. Железным ножом перерезает глотку. Кровь жертвы обогащает прожилки алтарного мрамора.

– Мы, граждане Сиракуз, чтим богов. Даже в такое тяжкое время раздора. Великая богиня Тихе, о ты, великодушная! О ты, благая, оберегавшая нас в бою! Ты, богиня, что счастливо спасла нас в час мятежа. С этого памятного дня, когда взбунтовались предатели свободы, введём пентализм! Отныне будем голосовать листьями маслин против любого, ищущего тиранию. Всякий, кто захочет единоличной власти в полисе, отныне изгой! Выгоним самозваного тирана Тиндарида из Сиракуз!

За спиной старика в кроваво-грязных серых домашних одеждах – весь его боевой отряд, за мужчинами женщины, подростки и дети. Потерь в отряде нет. Вырвавшиеся из осаждённой агоры Ахрадины стоят на коленях, склонив головы перед мраморным алтарём Тихе, хозяйки счастливого случая. На противоположной стороне от них – удивительно стройные боевые шеренги фаланги... злой бедноты кварталов Тихе. В руках подёнщиков, батраков, владельцев скромных земельных наделов оружие, по большей части своё или недавно подаренное. Жители Тихе серьёзно вооружены: копья, кинжалы, трофейное карфагенское оружие времён битвы при Гимере. Нет среди них, гордых жителей кварталов Тихе, никого без оружия. Это целая армия! К ним, оборванным и бедным, примкнули и зажиточные жители Ахрадины – метеки, и граждане, не согласные с восставшими жители Теменитеса, наёмники и добровольцы из Гелы, домашние рабы.

– Нас пятнадцать тысяч свободных! Там, на Ортигии, заперты несчастные жертвы бунта. Храмы Аполлона и Афины в крови невинных жертв мятежа! Возвратим свободу в Сиракузы! Воины, вспомним добрые порядки отцов! Нет тирании!

Последние слова заглушает одобрительный рёв армии Тихе. Бедняки выбрали свою сторону в мятеже. Боевыми шеренгами наступают они на городские кварталы, занятые восставшими. Дневное солнце Сицилии согревает их плечи. Армия граждан, метеков и рабов распевает боевой пеан:

*Над Сиракузами воскресли ушедшие
Тени героев, спешат на помощь живым!*

*Над Сиракузами Аполлон помогает Аресу,
Боги сжимают оружие в наших руках!*

Часть первая. Весна на Сицилии

Глава 1. Первый день весны

434 г. до н. э. Сиракузы. Месяц Теоксений по дельфийскому календарю

Весна так прекрасна на Сицилии. Прохладная, недолгая, но всё же чёрствая зима медлительно отступает под лучами ласкового солнца. Дожди всё реже, холодные потоки уже не бушуют, сметая берега рек, а заботливо орошают поля в помощь трудолюбивому земледельцу. Воздух зимы – резкий, сырой, временами промозглый до дрожи – сменяется в одно прекрасное утро тёплой нежностью расцветающей юности. То заветное утро прихода долгожданной весны часто бывает на Сицилии до странности хмурым – в густых пенистых облаках.

Но не стоит смотреть в ночное небо на сменяющиеся звёзды, высчитывая приметы весны. Приход весны на острове достоверно можно увидеть в лицах камней. Тех самых камней, о которых сикелиоты⁴ сложили поговорку «Одной горы камни». Тех самых камней, что привольно спят у дорог на подушках вездесущего плюща. Тех самых камней, что обрамляют опасные пропасти в глубине острова, или камней, что высокими крепостными стенами гордых эллинских полисов встречают морские волны.

Камни Сицилии, что влажной зимой безлико-серые, короткой смешливой весной пёстро украшены разнотравьем. Первые отважные, броские, яркие полевые цветки спешат возвестить о приходе новой надежды. Кусты люцерны древовидной с наивными жёлтыми цветками и нагловатый весельчак молочай, постоянные соседи сицилийских камней, напрасно соперничают с хитрыми валунами – им не суждено собрать восторги путников. Ободрав плотные соцветия люцерны для обеденного салата и молочая – для кожных мазей, путники с трепетом всматриваются в лица камней. Серые камни острова ранней весной обретают песочно-розовый цвет. Трещинки, ямочки, разломы сглаживаются, плавными изгибами уподобляясь сдержанным улыбкам.

Вешние камни теряют зимнюю суровость. Под тёплым солнцем они оживают в радости. Нет, конечно, известняк не становится безвольным песком – характер у сицилийских камней остаётся прежним. Однако даже камни острова полагают возможным сдержанно радоваться приходу весны. Это заметно каждому сикелиоту. Именно по «живым камням», а не по небесным звёздам читают они приход весны. А может быть, те камни и не камни вовсе?.. А может быть, те камни и есть душа Сицилии?

Славный день окончания зимы и в этом году пришёл с редкими тёмными облаками. Вкусный воздух неясных волнующих ожиданий исподволь наполнил Сиракузы. Ожидания природы без промедления передались людям. Празднично встретить первый день весны – только и разговоров в это славное утро!

Парадный зал поместья Гермократа. Почтительный стук бронзовым наконечником копья по створке двери заставил вздрогнуть мужа, в задумчивости сидящего на ложе. Муж выпрямляет сгорбленную спину. Полоска яркого утреннего света теперь хорошо освещает его лицо.

– Хайре, софист⁵, – раздаются за дверью зычные мужские голоса.

⁴ Сикелиоты – древнегреческие жители Сицилии.

⁵ Софист – учитель мудрости.

– Мудрейший из мудрейших! Храбрейший из храбрейших! Свет и надежда софистики! Протагор, тебя приглашают на сисситию гаморов, – громко возвещает Граник.

Дверь раскрывается, солнечный свет врывается в полутёмный зал, являя на пороге сразу троих посетителей: Мирона, Граника и Гермократа. Юноши в одинаковых чёрных плащах, под которыми короткие чёрные хитоны.

– Это великая честь, мой наставник, – громко и весело поёт Мирон в высокий потолок залы. – Гаморы Сиракуз хотят познакомиться с тобой. У храма Аполлона вчера состоялся разговор.

Своды зала довольным эхом подхватывают песнь атлета.

– Вчера в полдень три десятка гаморов изъявили желание послушать твою мудрость, – вставляет Гермократ. – Я был свидетелем беседы Мирона с приглашающими.

– Это испытание. Серьёзное испытание гаморами меня... в жертву вам, – отзывается второе эхо голосом зрелого, многоопытного афинского мужа в годах. – Врать или говорить правду? Предлагаете испробовать цикуту⁶ на вашей сисситии? Отчего-то сегодня ночью смутная тревога посетила меня. И, как вижу, вовсе не напрасно.

Трое юношей громко расхохотались. На пороге появилась высокая девушка. Мегиста в тёмно-синем пеплосе. Красавица хорошо подготовилась к визиту: подвела брови и ресницы, накрасила губы и уложила золотые волосы в высокую, сложным плетением, причёску. Золото браслетов, диадемы и кулона, искусная драпировка пеплоса...

– А она, стало быть, великолепная сирена, что пением коварно заманит меня в ловушку? Так? Да?! Хорошо! Воска нет, чтобы уши запечатать. Ну будет вам, дорогие мои ученики, нападать вчетвером на одного безоружного... – грустно улыбается софист. Указательный палец с серебряным перстнем наставлен на красавицу Мегисту. Четверо утренних визитёров весьма добродушно улыбаются Протагору.

– Конечно, я не смогу отказать *любимой души* Гермократа. Не найдётся у меня слов отказа для коринфской девы. Потрясающая девичья фигура, простите, коринфский пеплос то есть. Нда, так восхитительно уложить складки! Редкой красоты девушка, что и говорить. Я в неё тайно влюблён – прошу вас, только не передавайте моих слов её ревнивому мужу, он очень драчлив! – Протагор сокрушённо воздевает руки к потолку. – Ну и кем, скажите, буду я после варварского отказа гостеприимной семье Гермократа? Изгоем? Что, снова? И тут, на Сицилии?! Угрожаете позором трусости, да? Грубовато сработано, ученики, но... эффективно. В Афинах сразу бы категорически отказался, но в Сиракузах, в гостях у аристократов...

Протагор потирает влажный лоб рукой. Выдерживает паузу. Ученики молча теребят свои одежды. Мудрец шумно выдыхает несколько раз в мозаичный пол.

– Приглашение, попрошу заметить, под принуждением принято. Я пойду испить целебную цикуту, сицилийского настоя, на вашем... *смертельном тире равных*... то есть на этой самой... сисситии гаморов!

– Внёс сикелиотский медимн⁷ отборного зерна пшеницы за твоё участие, мудрец Протагор, в сисситии. – Граник почтительно прикладывает правый кулак к груди.

– Ого-го! Так ещё и входная плата для меня, гостя, положена? Три амфоры⁸ дорогого зерна? – уточняет софист, поправляя на себе домашние одежды. – Такая солидная плата назначена для оглашения... смертного приговора несчастному *беглому афинянину*? Я что, получается, ещё и купил смертный приговор самому себе? Уж могли бы и бесплатно пропустить на суд *предмет насмешек*.

⁶ Цикута – смертельный яд.

⁷ Медимн – мера веса для сыпучих, в данном случае эгинский медимн в 72,74 литра, а не аттический медимн, реформ Солона, в 52,53 литра.

⁸ В данном случае аттическая амфора в 26,26 литра.

Едкая шутка, сопровождаемая милой самодовольной гримасой, вызывает новую волну хохота, в которой отчётливо слышен девичий смех.

– Мегиста, а я, между прочим, слышу ваш мелодичный голос. И хотя вы моя первая... *ученица*, заметьте, я вам насмешки над моим заземлённым афинским достоинством *не прощу!* – Протагор демонстративно выпячивает грудь. Что ни говори, а пошутить над самим собой мудрец умеет. Хохот разом смолкает, во взглядах учеников Протагора искреннее уважение.

– Просветите меня – в каком виде принято у сикелиотов являться на сисситию аристократии? Красного спартанского плаща у меня, афинянина, по понятным причинам, увы, нет. Не дориец я. – Протагор принимает наигранно растерянный вид. Придирчиво оглядывает себя. Смахивает с одежды воображаемую пыль. Некогда роскошный, с узорной вышивкой, просторный льняной хитон до колен местами прохутился, а местами мастерски заштопан. Мудрец оправляет два плетёных кожаных пояса с медными пряжками. – Если так заявлюсь? Сочтут за неподобающую дерзость? Что, если облачусь в экзомис⁹? Поверх экзомиса накину роскошную хламиду с золотой пряжкой? Пряжка-то милетская – лев при гриве. Пряжка величиной с кулак взрослого мужа.

У посетителей кривые улыбки. Предложенный вариант облачения явно недостоин почётно-го гостя сисситии.

– Протагор, ты не одинок в модных привычках! Мой милый муж так любит одеваться. – (Гермократ удивлённо поворачивается к жене.) Мегиста прикасается кончиками пальцев к плечу мужа. – Именно в таких одеждах любимый пришёл ко мне на первое свидание. Ах-ах! Задиристый стиль: «Хочу понравиться, но могу и подражаться»...

Реплика Мегисты вызывает новую волну смеха. Растрёпанный Протагор присоединяется к общему веселью.

Софист в раздумьях покидает парадный зал и, шлёпая по мозаичному полу босыми ногами, удаляется в свою комнату на втором этаже.

Мудрец не заставил себя долго ждать: вскоре Протагор появляется в роскошных одеждах. Ученики не скрывают восхищения: тёмно-синяя хламида из тонкой дорогой шерсти, с кожаными нашивками, поверх синего хитона той же работы и из той же шерсти. Наряд, приличествующий моменту и статусу обладателя.

Софист сдержал обещание – золотая пряжка скрепляет парадный плащ, надетый по-фракийски – задрапирован «конвертом» на груди. В руках у Протагора неношенная чёрная широкополая шляпа. От мудреца исходит, о боги, какой приятный мужественный и сложный аромат с благородными оттенками хвои и горьких трав! Пальцы унизаны перстнями из серебра, возможно афинской работы. Не забыл мудрец и полированный дорожный посох из светлого дуба.

– Ну что, так меня гаморы не сочтут воплощённым пренебрежением почтенными обычаями? – (Ученики рукоплесканиями приветствуют выбор софиста.) – Только ради вас так нарядился!

– Ты не поверишь, Протагор, именно такие слова сказал Гермократ, когда шёл на первое свидание к Мегисте! – улыбаясь, откровенничает Граник. Мегиста удивлена – пристально вглядывается в глаза мужа. Граник тут же получает тычку локтем от Гермократа за разглашение тайны.

– Дорогая, я не знал, к кому иду в гости. Незачем делать такие большие глаза. – Ответом Гермократу становится тихий стук посоха по полу.

– Сожалею, что меня не было на том свидании. Счастливый, наверное, получился первый день знакомства? Эх-эх, как бы я хотел разделить с вами радость беспечальной юности. Я уже старик. В молодости подносил девушкам в дары только хворост. Дары-ы-ы. Н-да, был

⁹ Экзомис – грубая одежда для работы, кусок ткани, пропущенный под правой рукой, скреплённый на левом плече.

ужасно беден! Вспомнить первое любовное свидание с девушкой не смогу. И совсем не знаю, к кому иду в гости. – Мудрец горделиво приосанился, крепкий в мышцах Протагор не похож на старика. Друзья переглянулись, видимо вспоминая далёкий день знакомства, но не стали расписывать «счастливый день». Пятеро будущих участников сисситии покинули парадный зал и бодро зашагали к конюшням поместья. Там в окружении слуг уже хлопотал Фукл. Пять лошадей накрыты чёрными попонами с серебряной узорной вышивкой. На одной из лошадей, кремовой масти, закреплён массивный кожаный чехол с кифарой-формингой.

– Мегиста? Моя ученица? Вы тоже будете участвовать в мужских беседах гаморов? Что, и такое возможно на дорийской Сицилии? – Протагор указывает посохом на лошадь с чехлом. На лбу афинянина появляются частые складки морщин. Мегиста печально улыбается.

– Протагор, я так же, как и вы, предполагаю очень серьёзный разговор. Гаморы пригласили и меня, флейтистку, хотя о заказанной музыке и желаемых песнях в приглашении не упоминали.

Гермократ ободряюще обнял жену. Голос Мегисты хоть и не дрожит, но за гордыми переживаниями слышна серьёзная тревога.

– Никогда до этого утра невесты, жёны или иные музыканты-певицы женского пола не участвовали в мужских сисситиях гаморов. А я вот, простая флейтистка, выбрана аристократами – не случайно, так понимаю. Готовлюсь к печальному допросу. Видно, я перешла дорогу многим невестам в Сиракузах. Может, и мне, как и вам, сварили цикуту... Но только мне не мужи сварили, а гаморы-завистницы.

Хмурый Протагор сочувственно кивает Мегисте. Пятеро путников в сопровождении добродушного Фукла покидают поместье. Уже у ворот Фукл, молчаливый за дорогу от конюшен до ворот, громко выкрикивает вслед отъезжающим:

– О возлюбленная Афина-покровительница, позаботься о них, счастливых, на опасной сисситии. Селасфора¹⁰, о благая, прикрой их в битве неравной спасительным щитом.

Пятеро всадников обернулись к Фуклу. Почему он воззвал только к богиням, не попросив помощи у богов? В чём подвох? Метек и не думает шутить – Фукл машет отчаянно рукой. Мудрый управляющий поместьем в курсе не только запасов фуража, но и дел душевных. Шестой друг прикладывает правый кулак к тому месту, где бьётся сердце.

– Фукл, любезный, я тебя обожаю! Вернёмся живыми! Обещаю тебе! – Гермократ машет в ответ рукой, за ним – грустная Мегиста, потом расчувствовавшийся Протагор и, наконец, сдержанно – двое непроницаемых друзей.

– Гермократ, надо бы жалованье поднять Фуклу. Накинь-ка заботливому мужу серебром. Прошу, не жмись, не тот случай, – обращается вкрадчивым шёпотом к другу Мирон. – Чуть слезу не пустил, душевно же о тебе радеет.

– Да, ты прав, как вернусь, одарю его чем-нибудь ценным. Жалованье подниму. Вместе трапезу вечернюю проведём. – Хозяин поместья снимает шляпу у старинной придорожной гермы. Гермес прощально улыбается из серого камня. Обширные владения семьи гамора закончились. Впереди извилистая дорога на Сиракузы.

– Учитель, нам не в Сиракузы, – уважительно поправил Протагора Граник, когда тот привычно повернул к видневшемуся вдалеке городу. Граник обеими руками почтительно указал в противоположную сторону. – Сисситии гаморов всегда проходят в фамильных поместьях. Сегодня пройдёт в семье рода Полидама.

– Гамор Полидам взял на себя отеческую заботу о воспитании Гермократа и Граника. Так что для этих двоих... – Мирон блаженно поднял глаза к облачному весеннему небу, принял возвышенный вид каменной статуи, отстранённой от мирских дел, – ...*жеребцов* места род-

¹⁰ Эпитет «светоносная» – Артемида.

ные. Возможно, тебе, Мегиста, поместье Полидама понравится. Ухоженное, богатое, в садах благоухающих. Там твой муж отличился. Как отличился? Сейчас расскажу...

Два «жеребца» не стали обижаться на прозвище, Мегиста мило улыбнулась и отвернула лицо к морю, пытаясь подавить смех.

– У гостеприимного Полидама я частенько гостил в детстве. Там наглым *жеребцам* от меня ух как крепко доставалось. – Мирон потёр кулачища. Мегиста с трудом взвесила на ладони кулак Мирона. – Иногда они побеждали меня, но только потому, что *жеребцы* были в большинстве. Гермократ так понравился Полидаму, что попечитель превратился в *исполнителя желаний*. Что бы ни попросил деточка – отказа нет. Видишь ли, мой Протагор, у Полидама нет сыновей... Сгинули сыновья с первой женой в бунте худых... изрубили их звери-мятежники... Три дочери у Полидама от второй жены. Полидам к *жеребцам* относится как иная любящая мать к своим собственным родным сыновьям. Привязался Полидам к двум наглецам чистой душой, а *жеребцам* хитрющим только этого и надо было! Гермократ – тот вообще с шеи Полидама не слезал. Спал, ел, играл – и всё на шее Полидама. Учитель, ты увидишь собственными глазами старика. Очень крутого нрава муж, предупреждаю, мой Протагор. Очень-очень прошу, Протагор, не спорь с ним. Полидам его и вон того жеребца-рысака, – Мирон пренебрежительно кивнул головой в сторону расплывшегося в улыбке от приятных детских воспоминаний Граника, – в город по праздникам возил на повозке, запряжённой лучшими быками с золочёными рогами, сплошь по телу в дорогуших лентах и при пышных венках из роз и фиалок. Напоказ прогуливал, сам же в лучших одеждах, умащённый, рядом с быками, в окружении флейт, чинно шествовал. Честь незаслуженную оказывал приёмным воспитанникам. О-о-о! Право же, такое стоило увидеть! Зрелище по пышности было ещё то!

Понимаешь, Протагор, мне в наивном детстве опекун Полидам казался каким-то ужасно свирепым ночным духом. Глупость, конечно, малолетняя! У него на лице чудовищный шрам от меча. – Мирон провёл наискось ребром ладони от правого виска, через нос до шеи. – Память о мятеже худых. Боялся жутко я Полидама. Крепкий муж, выше меня, ка-а-ак выпучит страшно-страшно зелёные глаза, шрам сложится поперёк лица, и передо мной – нет, не человек – ну прямо вылитый... грозный *дух ночи*!

Протагор сдержанно улыбнулся. Мегиста тихо засмеялась.

– А мне тогда, развесёлая Мегиста, было не до смеха. – Мирон помахал перед собой ладонями. – Как Полидам гаркнет оглушительно – у меня аж поджилки от страха сводит и в животе холодеет. Казалось мне – раз! – и откусит голову Полидам, съест быстренько заживо, а костями костёр растопит. Всё – нет больше Мирона. Никто и не сыщет моих бранных останков! Я и сейчас, честно скажу, побаиваюсь опасного старца. – Мирон поиграл могучими плечами, словно от пронизывающего холода. Присвистнул – отогнал воспоминания в колючие придорожные кусты.

– Так вот, однажды наш нахальный Гермократ бесцеремонно возжелал... миртового леса. Нет, не веточку какую в скромности одну, а целый личный лес. *Жеребцу*, видите ли, очень нравился мирт. Руками этот самый малолетний *повелитель грозного Полидама* тайно растирал веточки, вдыхал благоухание. «Ах-ох» – и давай опять рвать мирт! – Рассказчик иронично продемонстрировал любимое детское занятие Гермocrates. Пустыми ладонями растёр воображаемый мирт, отёр лицо жмыхом несуществующих листьев.

– Полидам, конечно же, заметил увлечение любимого питомца. Он глаз с них обоих не сводил. Глаза у старика цепкие – видит прямо насквозь. Нуждается жеребец в мирте! Не может травоядный дня прожить без мирта.

Протагор вопросительно посмотрел в глаза Гермocratesу, юноша кивнул. Мегиста затаив дыхание слушала рассказ о неизвестном ей детстве мужа.

– И что, учитель, ты думаешь? – Мирон подбоченился, ручища у него – как у кулачного бойца. Надул смешно щёки. – Свирепый Полидам, потакая жеребцу, в один прекрасный

день взял, да и... – Мирон хлопнул в ладоши, – ...высадил огромную рощу. Расчертил по зимним звёздам квадратный участок. Огородил шестами. Назначил особого смотрителя за рощей. Из самого Селинунта, вот ведь не поленился, Полидам вызвал лучшего на Сицилии знатока мирта. По наущению многоумного знатока прокопал глубокий канал для полива – я там любил плескаться с жеребцами. Рабы чуть не спали над теми саженцами. Перед миртовой рощей, опять же по желанию вещего *жеребца-повелителя*, Полидам алтарь воздвиг в честь богини Тихе. Алтарь из привозного италийского мрамора изваяли. С розовыми вкраплениями, как *травоядный повелитель* выбрал. Вы можете представить, сколь тяжкие труды на себя взвалил достопочтимый муж ради одного лишь сумасбродства травоядного питомца?! – Мирон картинно развёл руками. Тяжело вздохнул. Покачал сокрушённо головой. Снял дорожную шляпу. Благодарные слушатели ждут продолжения.

– Теперь достойный Полидам – хрематист¹¹, в довесок к пшенице известный поставщик мазей, духов, эфирного масла из той самой миртовой рощи, освящённой в честь богини Тихе. Рощу продолжили посадки лавра, душистых редких пряностей и целебных трав. Наглый жеребец обогатил опекуна. Удивительно, да?

Обычно капризы детей разоряют родителя. Колесницы, детские доспехи, игрушки драгоценные. Не так ли? А тут чудесным образом вышло наоборот. За такие фокусы я считаю Гермократа старше себя, хотя по годам он младше... Приёмный отец Гермократа и Граника, да и мой тоже, достопочтенный Полидам – крепкий старик, нас переживёт. Да прибудет от богов в дар здоровье ему. Хвала гамору Полидаму за опеку и заботу родительскую о нас.

Протагор захлопал громко в ладоши. Восхищённая Мегиста одарила благодарным взглядом атлета. Граник обнял за плечо Гермократа. Мирон продолжил, уже без подтрунивающей насмешки:

– Местность, где сейчас едем, называется Гиата. Но некоторые называют и Гиарота. Так пришлые говорят. Правильнее всё же – Гиата, как изначально предки нарекли. Здесь зарождался славный полис Сиракузы. Трудно зарождался. Раз за разом землю тучную приходилось отбивать у враждебных племён сикулов. Как ни лето, так война за пшеничные поля. Как ни случись приплод у скота, так сразу гости с оружием. Сколько здесь засад, сражений, стычек с сикулами первые поколения переселенцев пережили – и не счесть. Храбрые колонисты не отступили. Гаморы-то и поняли, что они гаморы только в борьбе с врагами. Здесь, на Гиате, сложился сицилийский характер. Переселенцы постепенно оттеснили сикулов. Кровью гаморов щедро полита Гиата.

Колонисты из Коринфа провели именно в Гиате первую борозду под первый посев пшеницы. Покажу вам камень – свидетель трудов у борозды. Рядом с камнем, серым, островерхим, выросла высокая пиния с причудливой кроной, ну знаете, такое... зелёное облако треугольной формы, точь-в-точь как камень под ней. Два треугольника – один на земле, другой в небе. Протагор, тебе, учитель, такое чудо понравится. Так вот, самая первая великая борозда колонистов пролегла именно в поместье гамора Полидама. Каждый гамор Сиракуз делает первые шаги по той борозде. Заполняют зерном первую борозду Сиракуз тоже только гаморы. Честь для аристократов – опустить зерно в борозду у Полидама.

Мирон очень серьёзен. Говоря о священной борозде, он вновь поминал предков-колонистов из Коринфа. Повернувшись к Гранику, атлет спросил:

– Наверное, столы сисситии, как всегда, расставят у борозды? Затворник Полидам бережно собирает орешки с пинии, толчёт, варит изысканный соус для лепёшек. Угощает солонатым соусом только лучших друзей. Самые ухоженные плодородные поля в Гиате. Тут же наш знаменитый великолепный храм Зевсу, у священного источника Киану, там же рощи дубовые. Если ехать по этой самой дороге, то к храму Зевса и попадётся. А нам вот сюда...

¹¹ Хрематист – крупный предприниматель.

Мирон остановил лошадь у придорожной гермы. Без связи с ранее сказанным рассказчик тихо бросил довольному Гермocrates:

– Тебе крепко достанется от Полидама. За словом в суму твой воспитатель не полезет. Старик может и кулаком приложить при всей почтенной сисситии. Ты как? Готов ли ко встрече с Полидамом? Да или нет?

Но лучший друг предпочёл отмолчаться. Гермocrates привычно легко изобразил на лице надменность. Глаза юноши стали холодны, губы вытянулись в ровную нить. Мегиста выдохнула, поправила плащ, сняла шляпу, потрогала причёску. Пятеро всадников свернули у гермы вправо. Через полстадии их встретили домашние рабы в чистых, грубого плетения коричневых экзомисах. Прислужников десять, то мужчины разных возрастов, в руках у рабов – праздничные оливковые венки.

Спешившись, гости приняли венки и водрузили их на головы. Девушке же, к её удивлению, достался особый венок – из плюща и разноцветных полевых цветов. Пышный, сложного плетения, на медных скрепках. Мегиста вынула из плотного мешка семиструнную кифару-формингу. Коснулась кончиками пальцев струн. Пятеро приглашённых с достоинством, высоко подняв подбородки, зашагали к высокой, в три человеческих роста, сосновой арке ворот поместья Полидама.

Глава 2. Сиссития гаморов

Ограда поместья, составленная из плотно подогнанных битых острых скальных камней, Мегисте по грудь. Девушка останавливается у ограды, не доходя пары шагов до высокой арки ворот. Её попутчики останавливаются в створе арки, оглядываются на задумчивую красавицу Мегисту. Девушка осторожно прикасается рукой к острым пыльным камням ограды. С тревожным ожиданием вглядывается в происходящее за ней.

Далеко за воротами, в самом конце дороги, у одинокой пинии, точно описанной Миронем, видна огромная толпа празднично одетых мужчин разных возрастов. Их несколько тысяч – возможно, пять или даже семь тысяч гаморов. Пестроты в одеждах аристократов нет – среди оттенков преобладают сдержанные тона синего. Голоса гаморов сливаются в негромкий гул – обрывки разговоров, похлопывания по плечам и спинам, смех, короткие радостные восклицания. Гаморы стоят спинами к арке ворот, их лица подобающе обращены к священной пинии и священному камню.

– Мегиста, ты со мной?

Ласковый голос мужа заставил девушку вздрогнуть. Не дожидаясь её ответа, Гермokrat твёрдым шагом направился к знаменитой пинии. Тонкие пальцы бывшей флейтистки нехотя покинули спасительную ограду. Мегиста робко опустила глаза к земле. Быстрыми шагами красавица из Коринфа, любимая дочь некогда очень влиятельного аристократа, подвергнутого остракизму, нагнала попутчиков.

Пять непостижимо длинных стадий¹² до собрания гаморов даются Мегисте нелегко. Пятеро прибывших, едва вступив на ровную, прямую, в повозку шириной, дорогу от ворот до хозяйских построек, сразу же привлекают внимание сисситии. Бесконечные, безмерные, мучительные пять стадий среди ухоженных пшеничных полей растягиваются на несчётное количество шагов. Любой камешек на дороге норовит больно укубить девичью стопу сквозь тонкую подошву изящных сандалий. Весёлый весенний веночек на голове девушки с каждым шагом становится всё тяжелее. Проволочные медные скрепки среди цветочных стеблей обрезают вес каменных рыболовных грузил. Девушка часто поправляет опьяняющий запахами веночек. Смахивает проступивший пот волнения. Мегисте, чьё поставленное дыхание никогда не сбивалось ни в пении, ни в авлосе, тяжело дышать. Девушка сливается с тенью мужа. Гаморы прерывают беседы, молча оборачиваются к идущим Гермokratу, Гранику и Мирону. Со стороны может показаться, что аристократы впервые видят юношей, так неприветливо холодны лица мужчин. Добродушный гул пчелиного роя стихает. Когда до собрания добрых остаётся с два десятка шагов, из рядов выходит крепкий широкоплечий муж.

– Это мой воспитатель Полидам, – беззаботным тоном сказал Мегисте Гермokrat, обнимая жену за плечи. Мегиста резко повернула лицо к мужу. – Люблю деда. Ну какое же он чудовище? Он такой славный! – Юноша сияет от радости, Мегиста переводит взгляд на важного мужчину, поднявшего правую руку в приветствии. *Дедушкой* Полидама трудно назвать. Старость забыла про Полидама. С десятка шагов ему, пятидесятилетнему гамору, не дать и тридцати. Полидам сияет природным здоровьем. Осанка у старика такая, как и положена благородному всаднику. Курчавые чёрные волосы густы и без седины, нет её и в короткой бороде. При сближении видно, как Полидам широко, во весь рот, улыбается гостям. Его открытое лицо нисколько не портит шрам. В тёплой улыбке мужа бранный шрам кажется прилипшей скошенной травинкой, занесённой ветром с поля. Полидам встречается твёрдым взглядом с девушкой, оценивающе прищуривает глаза. Мегиста тут же выпрямляет спину, поднимает гордо подбородок.

¹² Стадия – древняя единица измерения расстояний, примерно равная 178 метрам, олимпийская – 192,27 метра.

– Хайре, мои драгоценные гости! И да обласкает вас в щедротах Зевс-громовержец! – издали громоподобно выкрикивает владелец поместья. Мегиста прикладывает правую руку к груди. Её ответное приветствие замечено. Полидам переводит взгляд на Гермократа. В руках старика нет посоха, как нет и оружия. Взгляды гаморов, казавшиеся хмурыми, на поверку оказываются наполненными жгучим любопытством. Со всех сторон раздаются шумные приветствия прибывшим. Мирон, Граник, Гермократ исчезают в толпе. Мегиста, Протагор и молчаливая семиструнная кифара-форминга остаются вне её. Перед Мегистой снова спины и затылки.

– Какие виды на урожай пшеницы, мой Гермократ? – выхватывает Мегиста из общего гула. – Отличные виды... – только и успевает расслышать первые слова ответа.

– Вас просят пройти к креслам. – Раб-прислужник появился как раз вовремя, он склоняется в почтительном поклоне перед Протагором и Мегистой. Грусть одиночества не успевает посетить двух забытых гостей. Мегиста оглядывает раба. Рослый загорелый мальчишка возбуждён праздничным событием. Из всех сил невольник старается подражать манерам гаморов.

– Гости моего хозяина, я провожу вас. Кресла для приглашённых позади столов сисситии. Там. – Правой рукой рыжий мальчишка-кельт указывает налево. Мегиста с Протагором следуют за провожатым. Девушка оглядывается назад в надежде увидеть дорогого мужа, но безрезультатно: оливковые венки на головах гаморов так схожи.

– Нам надо поговорить, – шепчет Полидам на ухо Гермократу, стискивая правой рукой раскрытую ладонь юноши. – Разговор наш будет серьёзным.

Гермократ отвечает на очередное приветствие гаморов, всматривается в таинственное лицо воспитателя. Двое мужей неспешно покидают собрание. Оставшись наедине с Гермократом, суровый Полидам сжимает обеими руками юношу за плечи. Тот расплывается в детской улыбке.

– Перестань улыбаться! – грозно напирает старик. Шрам собирается в зловещую складку. Мирон прав, в таком состоянии духа гамор Полидам вполне сойдёт за рассерженного, да что там – разъярённого духа леса.

– Ой, и не подумаю. – Детская улыбка Гермократа становится ещё более наивной. Старик сдаётся, усмехается, разжимает тиски.

– Наши брачные соглашения в силе? – Тон доверительного разговора такой же пугающий.

– Конечно, возлюбленный отец. Соглашения в силе. Клялся тебе перед богами. Клятву сдержу. Женюсь на любой из твоих дочерей. – Гермократ излучает такое детское счастье, что Полидам от удовольствия зажмуривает глаза.

– Оливия, старшая. – Полидам оглядывается в сторону дома. – Без ума от тебя. Ты же знаешь не хуже меня. Моя девочка бредит тобой.

– Отец, твоей Оливии, великолепной красавице, едва двенадцать лет. По закону полиса брак возможен только с пятнадцати. Что делать мне с ней три года?

– Не учи меня законам, знаю их получше твоего! Я дал согласие на твой неравный... по имуществу, да какое там имущество, слёзы одни... союз с какой-то там *приезжей флейтисткой* лишь только потому, что она из древнего знатного рода бакхиадов¹³, как и мы с тобой. Ты уговорил меня! А ты умеешь уговаривать, лисёнок мой. Но если бы не подтвердилось её коринфское родство, то я бы её, бродячую мошенницу, хитрую соискательницу лёгких богатств, вот этими руками... сам...

Пришло время Гермократу стиснуть в объятиях обиженного старика.

¹³ Бакхиады – знатные роды коринфских Гераклидов.

– Ну разве я тебя хоть раз подводил? Отец дорогой? Скажи, разве я позорил тебя чем-то недостойным? – Гермократ прижался лбом ко лбу воспитателя. – Моя Мегиста, вот увидишь, сделает честь нашему древнему роду. Через три года я выполню свадебную клятву.

– Твоя возлюбленная флейта знает о нашем брачном соглашении? – шепчет Полидам чуть не в губы Гермократу.

– Да! Флейта знает. При помолвке сразу ей правдиво сказал... – Гермократ ловко подхватил веночек, падающий с головы воспитателя, поправил оливковые листья.

– Ох! Как же ты честен с ней!

Сбежавший веночек торжественно водружён на голову Полидама.

– Так же, как и с тобой, отец. Зачем мне Мегисте врать? Девушка же нашего круга, сирота по воле худых предводителей демоса Коринфа. – Слова юноши звучат просто и бесхитростно. – Такая печальная доля мне очень близка.

– Н-да!.. – Горечь полыни в том восклицании. Чуть помедлив, старик добавляет: – Это тоже подтвердилось. Надеюсь, твоя избранница умеет себя вести в обществе достойных людей? – Полидам сочувственно кивает головой. Правая рука воспитателя ложится на плечо Гермократа. – Так вот, дорогой сынок. Я сам назначу и день, и место ваших *тайных* свадеб. И тот день я отодвину на... другой, не ваш, срок... Будешь возражать мне? Нет? Правильно. – Полидам поднял брови. Глаза старика сияют радостью. – Дождёмся ближайшего полнолуния? Благоприятный день для свадьбы. Богиня Артемида благословит брак. Не спорь. Уже, увы, закончилась зима, для свадеб подходящая. Весна пришла. Эх, снова ты порушил отцовскую традицию! Только тебе я готов простить столь легкомысленное отношение к устоям. Сегодня на сисситии решение своё отцовское оглашу.

Полидам о чём-то задумался. Прищурил хитро глаза. Ухмыльнулся довольно в кулак. Стёр улыбку и назидательным тоном воспитателя продолжил беседу:

– *Мегиста*? Благозвучное имя. О ней столько разговоров в полисе! А это ведь лишнее для репутации добропорядочной жены аристократа-гамора? Твоя Мегиста славой дарований затмила популярных певцов. Несчастные того гляди останутся без заказов. Гетеры полиса придумали прозвище для твоей невесты. От зависти придумали. О, да! Удивлён? Так ты не знал? Ага, друзья побоялись сказать. Тогда я просвещу тебя!

Полидам выдержал драматическую паузу и, поигрывая густыми, с лёгкой проседью бровями, огласил:

– *Поющая Немезида*¹⁴. Оценил? Мне показалось достойным прозвище! Или вот недавно свояк поведаль – на проводах гостя лично слышал от приглашённых гетер: «Ядовитая Нимфа»¹⁵, – звучит, конечно, не обидно, а если сказать ночью, то и напугать легко. Конечно, гетеры могли распутными языками и не такое излить во славу доброй девы, но скажи мне, зачем тебе столько людской зависти?

Наставник добродушно потрепал юношу по щеке. Гермократ удивлён новостям Полидама. Однако поток обидных слов ещё не окончен. Полидам словно знатный торговец, что нахваливает товар:

– Моя Оливия, хоть и подросток, красотой приезжей флейтистке не уступит. Умом тоже моя дочь не обижена. Любой мужской разговор поддержать сможет. Уж мы с учителями вложились в Оливию. Воспитана в свободе и изысканности, как и положено аристократке. Скучно тебе с моей девочкой не будет. Тебе ли не знать?

Гермократ согласно опускает глаза. Далее тихо звучит ожидаемый укор:

– Мог бы и дождаться невесты от моей семьи.

Голова юноши опускается ещё ниже. Оливковый веночек вот-вот упадёт на траву.

¹⁴ Немезида – крылатая богиня возмездия.

¹⁵ Нимфы – божества природы, отсылка к Немезиде.

– Даю отцовское согласие на брак с коринфской девой. Только потому, что ты просил на коленях, только потому, что ты чуть, о хвала тебе, Зевс, не умер от простуды. Напугал меня! Ушёл в Аид без наследников... Хорошо, что друзья преданные молитвами вернули! Голая с тобой лежала твоя дева? Песни-заклятия на ушко пела, чтобы вернулся? Пусть хоть дети от тебя останутся, если вновь заболеешь. Я, Полидам, предводитель рода гаморов, согласен на детей от родов коринфской знати. Что я говорю?! Сам себе удивляюсь! Теперь о моих детях.

Гермократ поднимает повинную голову. Прижимает клятвенно руку к груди:

– Мой драгоценный воспитатель, обещаю позаботиться о твоих детях, как ты заботился обо мне! Отдам им то, что имею, как ты мне без остатка отдавал. Буду голодать, но твою семью накормлю.

Гамор-воспитатель принял положенную клятву верности. Полидам повернул лицо к аристократам и с насмешкой проговорил:

– Боги слышали твои слова, сын. Их волею твои клятвы могут и не пригодиться. Возрадуйся, ты легко прощён за тайные свадьбы. А твоему Мирону и моему... подлому Гранику, что не спросил отцовского согласия, фила всадников подготовила достойный подарок! С софистом гаморы решили слегка, – Полидам подмигнул с оттенком злорадства, – совсем немного подождать. Приговор опасному афинянину вынесут на сисситии, при тебе. – Полидам вновь коварно-хитро улыбнулся в удивлённые глаза юноши. – Софисту... известному рассаднику неверия... гаморы дадут возможность последнего слова перед публичной казнью. И да помогут софисту милосердные боги, им отрицаемые. Плети готовы. Напрасно *глупый мудрец* прибыл на Сицилию. Скажи мне, какой диковинный выбор для безбожного ахейца – искать защиты у дорийцев, богов почитающих!

Руки Гермocrates непроизвольно сжались в кулаки. Полидам невольно пригнулся.

– Надеюсь, ты не побежишь предупредить своего любимца? – В голосе воспитателя звучит чуть не женская ревность. Не дожидаясь ответа, Полидам заложил руки за спину и важно продолжил: – На такой случай собрание гаморов рассадило вашу неразлучную троицу по разным столам сисситии. Мирон по центру. Граник по левую сторону. Ты, жеребец, сядешь со мной рядом. За твоей невестой Мегистой тоже почётный надзор установлен. Не совершай, прошу, глупостей, а то некому будет *не на ком* дважды жениться! Гаморы, к твоему сведению, вооружены. Кинжалы под одеждами спрятаны. Пойдём?

Полидам с великодушным видом протянул правую руку. Опечаленный Гермократ принял её. Опекун-воспитатель и юноша вернулись к толпе аристократов.

И вот гаморы разделяются по родам, занимают столы сисситии в давно заведённом порядке. Нет хаоса среди аристократов. Всякий из них, неважно, десять ему или тридцать лет, знает положение фамильного стола. Подписанные именные дубовые и сосновые столы, на двадцать солидных мужей каждый, расставлены тремя огромными кругами вокруг священного камня и известной пинии над ним. На востоке круги размыкаются широким коридором, как бы выпуская священную борозду. Гермократ находит два кресла с почётными гостями сисситии слева в крайнем ряду столов. Позади приглашённых три нагих раба-прислужника. Полидам уводит юношу к первому столу внутреннего ряда, у самой кромки борозды.

К священному камню выходят три мужа. Благообразный старик, юноша-эфеб¹⁶ и мальчик лет семи, только что покинувший гинекей¹⁷. К ним подводят белую козу. Жертвенное животное идёт добровольно. По столам проносится одобрительный шёпот. Звучит хоровая песня-молитва богам: Зевсу, Аполлону и Дионису – от троих выбранных жрецов. Далее, во второй песне, жертве отправляются благодарности. В третьей песне богов и предков – невидимых покровителей полиса просят прибыть и поучаствовать в сисситии. Животное забивают старин-

¹⁶ Эфеб – юноша с 16 до 20 лет, гражданин полиса, проходящий воинскую службу.

¹⁷ Гинекей или гинекейон – женская часть древнегреческого дома.

ным бронзовым ножом первых колонистов. Камень у пинии обращается в алтарь фило всадников. Кровь козы обагрят алтарь. У священного камня разгорается костёр из сосновых веток. Трое жрецов разделяют тушу. В огонь отправляются лучшие части жертвенной козы. Поднимается дымок от сжигаемого мяса. Начало сисситии аристократов Сиракуз положено.

Слуги обносят гостей простыми, чёрными, без узоров, кофонами¹⁸. В глубоких, вдвое больше обычного размера, кофонах до краёв очень горячая и густая традиционная пшеничная похлёбка сисситий. Пряный аромат раззадоривает аппетит. Многие тут же, едва заполучив кофон, не дожидаясь, пока тёмный суп остынет, осторожно пробуют еду. Раздаются восторженные возгласы с разных сторон. Возгласы сменяются щедрыми рукоплесканиями. Гаморы довольны – старинный секретный рецепт тщательно соблюден. Похлёбка сисситии удалась. Полидам расцветает в довольной улыбке, поднимает над головой кофон:

– Боги, предки, в вашу честь! – Прикасается губами к кофону. – Благодарю за вашу заботу!

С места Гермократа не видно друзей, не видно жены и Протагора. Юноша рассеянно принимает от прислуги сосуд с похлёбкой. Полидам заглядывает в глаза Гермократу. Кофон поднимается к весеннему небу. Нежный ветерок обдувает лицо юноши.

– За тебя, возлюбленная богиня! – произносит вполголоса Гермократ и делает первый глоток.

– Какая богиня? – участливо интересуется опекун.

– Что? – Гермократ продолжает взглядом искать друзей в оживлённых рядах сисситии.

– Какой богине на сисситии только что молился? – не отстаёт Полидам.

– Богине-покровительнице Эрис, – рассеянно отвечает Гермократ. Глаза воспитателя округляются от удивления.

¹⁸ Кофон – керамический сосуд для питья, с одной ручкой, использовался древними воинами.

Глава 3. Дознание Мегисты

Благоухающие кофаны постепенно пустеют. Безмолвие прерывается приглушённым гулом разговоров. Прислуга быстро уносит прочь пустую посуду. Обычно между окончанием трапезы и совместной молитвой следуют объявления новостей, как то: известий от союзников в Коринфе и Спарте, помолвок, перечисление имён новорождённых и ушедших, иногда просьбы уладить спор, но только не на этой сисситии. Никто из предводителей родов гаморов не спешит выйти в центр круга. Аристократы полиса явно чего-то ожидают.

– Аристарх... – обратился Полидам через голову Гермократа к мрачному, флегматично-спокойному голубоглазому мускулисту мужу лет тридцати пяти. Могучий Аристарх, едва заслышав своё имя, с готовностью приподнялся с кресла. – Присмотри за моим шалуном... – Полидам кивнул в сторону Гермократа и встал с кресла. Гермократ снизу вверх тревожно посмотрел на воспитателя. Старик снисходительно похлопал его по плечу: – Ты тут не важный архонт-фермосфет¹⁹. За моим столом ты только лишь мой сын.

Полидам поднимает правую руку. Шум затихает. Почтенный гамор покидает место за столом, выходит к священному камню-алтарю. В огонь костра сисситии из его рук отправляется благодарная шепотка благовоний.

– Чтимая филадельфия всадников! Полидам, сын Хармина из рода бакхиада Пасимела, имеет честь сообщить вам важные новости.

Но вместо оглашения только заявленных новостей Полидам покидает место у камня, направляясь на север, к проходу между столами. Гаморы в полной тишине провожают Полидаму понимающими взглядами. Жертвенный костёр у священного камня радостно потрескивает. Неужели новости старика давно известны всадникам? Старик возвращается, ведя за собой кого-то, укрытого белым покрывалом. Счастливый Полидам ведёт за правую руку стройную, высокую девушку. Из-под покрывала невесты выступают острые углы кифары. Невеста и гамор встают перед танцующим костром.

– Друзья, родственники, гаморы! – Голос Полидамы дрожит. Солидный муж теряет на короткий миг самообладание, утирает слёзы. – Простите, старость. Не удержался! Пустил слезу! – сокрушается выступающий. Гаморы за столами сочувственно улыбаются. – Когда мой воспитанник, сын Гермократ, поздно ночью заявил мне, что нашёл невесту, – Полидам воздел руки к прояснившемуся небу, – я, мягко говоря, *не обрадовался!*

За столами тут же раздались едкие смешки. Речь Полидамы не похожа на сухое оглашение новостей. Голова девушки под белым покрывалом гордо поднялась. Полидам продолжил:

– Воспитанник встал, как уложено традициями предков, на колени и испросил моего отцовского согласия на брак. Ну хоть в порядке женитьбы уважил, думаю я про себя. А руки так и чешутся отчего-то. – (Смешки уже нескрываемы, многие аристократы за столами прикрывают лица руками.) – Ладно, говорю приёмному сыну. И кто же твой выбор, внук великого героя Агесилая? – Полидам картинно скрестил руки на груди. – «Дева приезжая. Из далёкого изнеженного Милета, флейтистка», – говорит мне, аристократу Сиракуз, воспитанник. Хорошо, что в тот момент, после ужина, сидел я в кресле, а то бы рухнул наземь. Значит, спрашиваю, не о благоденствии рода ты, неблагодарный птенец, заботишься? В дурмане любви пребываешь? Пьянствуешь чувствами? Позором несмываемым вознамерился меня, предводителя древнего рода гаморов, на старости покрыть?

¹⁹ Архонт – высшее должностное лицо древнегреческих полисов. В данном случае «фермосфет» – неологизм автора, псевдосубсидийский диалект дорического диалекта древнегреческого языка, от аттического «фесмосфет» (законодатель) – представитель судебной власти, во многих древнегреческих полисах избираемый пожизненно.

Никто из присутствующих не смеётся и не улыбается. Очевидно, главы аристократических семейств представляют себя на месте говорящего. Голова невесты под белым покрывалом поднимается ещё выше.

– Признаюсь при всех, а вы тоже бы так сделали, – поднял руку, чтобы как следует огреть сына. Лишил бы жизни! Разум помутился от обиды. Но... – Полидам снял белое покрывало с головы невесты. Перед собранием гаморов предстала крайне надменного вида красивая девушка. Это Мегиста. словно спасительным щитом прикрывает горячка грудь милой кифарой-формингой. Смотрит гостя немигающим взглядом куда-то в бесконечное сицилийское небо.

– Сын мой огласил главное для меня: невеста дорийская, из *Коринфа*... – (Раздались разрозненные хлипкие хлопки.) – *Из бакхиадов*... – (Хлопки со всех ветров слились в бурные, почти штормовые аплодисменты.) – Называет мне на ушко знаменитейший род Гераклидов... – (Аплодисменты разом стихли. Любопытство овладевает гаморами. Стоящую у камня смущённую девушку щедро одаривают восхищёнными взглядами.) – А род легендарный у неё... – (Тишина установилась такая, что слышно, как хлопает крыльями ворон, прилетевший на пинию.) – *Ксантикла!*

Раздаются ошеломлённые «Ох!», «Ах!», «Не может быть!», «Да чтоб мне прибыло!», кто-то с силой в сердцах ударяет кулаком по столу. Где-то вдали, слева от Полидама, из-за столов поднимаются раскрасневшиеся мужи. На глаз сотен пять-шесть бравого вида. Их руки недовольно упёрты в бока. Полидам поднимает правую руку и указывает на них, встающих:

– Бесценный Полиник, мой всегдашний оппонент! Ты слышишь меня, драгоценный?

– Да, слышу!

– Невеста моя предпологаемо из *твоего рода!* Выйди ко мне, прошу! Мы с тобой, прорицатель, породнились! Так получается? Где ты? – (Невеста повернула лицо к Полидаму.) – И пока ты выходишь, расскажу, что было дальше. А дальше я сказал любимому воспитаннику (вы знаете, Гермократ, внук Агесилая, как родной сын мне): «Дай мне время проверить девицу. Коринф от Сиракуз недалеко будет. Гостей и торговцев из родного нам города на Сицилии всегда много. Ты, говорю Гермократу, отправляйся к италикам за металлом. Я выпрошу у заслуживающих доверия людей, как да что. Если и вправду твой выбор из почтенного рода, дам отцовское согласие на брак». Честно сказать, ожидал продуманного милетского мошенничества. Что можно хорошего от ионийцев с ахейцами ожидать? Полиник? Ты там выходишь? Или что, мне без тебя... деву самозваную из *твоего рода* замуж выдавать?

– Выхожу, выхожу! Подожди, не выдавай! Дай на деву незнакомую посмотреть. – Летит враждебно, с иронией. Появляется высокий, сухого сложения, представительного вида муж, в годах Полидама. Собрание приветствует Полиника частыми здравицами. Непонятное свадебное расследование личного свойства приобретает серьёзный государственный оборот.

– Помнишь, Полиник, как ты при свидетелях и не единожды мне заявлял, что наши роды никогда не породнятся? Был между нами такой обидный уговор? – Важный муж идёт молча. Полидам откровенно ликует: – Был такой уговор!

Мегиста не отрываясь смотрит на Полидама, в новинку ей стародавние конфликты сиракузской знати. Полиник подходит к костру. Вглядывается серыми пронизательными глазами в Мегисту. Отправляет свою горсть благовоний в огонь, шепчет молитву. Поворачивается по военному к Полидаму и, не глядя уже на невесту, тревожась о чём-то своём, спрашивает:

– Узнал правду про *самозваную деву?*

– Узнал! – торжествующе выкрикивает Полидам в укрывшееся облаками небо.

Багровый Гермократ пытается встать с кресла, но бдительный Аристарх пресекает эту попытку. Фила всадников теряет всякое терпение. Раздаются частые выкрики: «*Говори!*», «*Полидам, не мучь!*», «*Кто она?*». Но Полидам хладнокровно держит паузу. Разрозненные

крики сменяются сердитым монотонным стуком кулаков по столам. Полидам выпячивает грудь:

– Подтвердилось! Дева из рода Ксантикла!

Слова Полидама тонут в восторженных криках. Мегиста цветом лица схожа с покрывалом невесты. Её влажные глаза вновь ищут защиты в прозрачных белых облаках. Полиник напряжённо всматривается в лицо девушки. Овации смолкают. Гаморы ждут ответа извечного оппонента Полидама.

– Что ты на неё так смотришь, моя любимая вражина? Она же дева, а не зеркало! Себя в ней, что ли, хочешь увидеть? – Удачная шутка Полидама встречает отклик среди гаморов. Смех накрывает весенним облаком столы. Полиник смущается, но его ответ шокирует собрание не меньше, чем новость о благородном происхождении невесты.

– Не было между нами вражды! – Полиник первым стискивает Полидама в объятиях. – Не вражина я тебе! На всё воля всесильных богов!

Гаморы в молчании поднимаются с кресел. Такого замирения никто не ожидал. Собрание гаморов одобрило не только выбор невесты. Полидам утирает предательские слёзы радости. Гаморы занимают места за столами. Мегиста осторожно оглядывается. Трава на поле первой борозды сочно-зелёная после холодных зимних ливней. Запах травы – как у горького мёда. Суровые сицилийские облака теплеют розовыми оттенками. Примирительные объятия двух солидных глав родов размыкаются.

– К сожалению, однако, выяснилось и другое... – (Мегиста прикусывает губы до крови. Девушка закрывает глаза.) – Дева-бакхиад круглая сирота... – (Голова невесты низко склоняется.) – Смелый отец подвергся ostracism худых. Из скорых обвинений в предательстве Коринфа в пользу Афин, предъявленных её отцу, на суде ничего не подтвердилось! Бунтарей из... *расплодившихся худых*... интересовал преступный передел его земли! То был заговор, всё выяснилось уже после изгнания семьи. Дела давние, но не позабытые в родном Коринфе...

Раздаётся злое «У-у-у!». Венок полевых цветов Мегисты падает в траву. Гермократ встаёт. Аристарх печально качает головой и не препятствует юноше. Полидам продолжает:

– Приданого у знатной девы нет. – (Мегиста выдыхает и снова поднимает лицо к небу. Из глаз её текут слёзы.) – Дева была оскорблена в Милете. – (Красавица вздрагивает.) – Крайне жестоко расправилась с обидчиками – по слухам, опоила ядом и сняла с ещё живых, умирающих, кожу... – (Неистовые аплодисменты в адрес мстительницы разрывают тишину.) – Развесила кожу обидчиков в доме, что принадлежал её родителям, обезобразила до неузнаваемости трупы, сожгла глаза и сердца мертвецов в очаге и скрылась на неизвестном торговом судне. Судно с беглянкой приплыло на Сицилию. В Милете суд заочно приговорил беглянку и её коринфских подруг-бакхиадок к смерти через позорное повешение. Дом беглянки, скромный земельный надел и скотину изъяли в собственность семей убитых...

– Персидский Милет мне не указ! Ионийцы мне не друзья. – Полиник решительно прерывает оглашение скорбных подробностей. У сикелиотов умная голова на плечах. – Пустозвоны ионийцы, не мы, гаморы Сиракуз! – Допустимое тщеславие наполняет слова говорящего. – Дева достойна нашего благородного рода! Нет на деве Мегисте... – Полиник в запальчивости сбивается, откашливается и торжественным тоном, уже неспешно, продолжает: – Я, глава славного рода Ксантикла в Сиракузах, заявляю: нет на деве Мегисте бесчестья! Моё суждение таково: Ксантиклы, как коринфские, так и сиракузские, не несут позора за преступления, совершённые против них. Мы, потомки Ксантикла, Гераклиды, основатели Сиракуз, подтверждаем честь этой доброй девы! Подойди ко мне, достойная из филы всадников Коринфа!

Не осталось сил у Мегисты выполнить просьбу. Дева бережно положила свою защитницу, семиструнную кифару, на землю, покачнулась и упала без чувств. Гермократ устремился к невесте, поднял её, принялся поцелуями и растиранием висков приводить деву в сознание. Мегиста наконец открыла глаза. Сочувственное молчание воцарилось среди гордой сисситии.

Никто из аристократов не попытался опротестовать суждение, вынесенное влиятельным главой древнейшего коринфского рода из первых переселенцев. Расчувствовавшийся Полиник обернулся к представителям рода бакхиада Ксантикля:

– Ну что ж, Полинику есть что сказать! Ксантиклы-бакхиады приплыли нищими на Сицилию... – По красноречивому вступлению видно, что хитроумному Полидаму удалось за живое задеть бывшего порицателя. – Нищетой *благородных храбрецов* не испугать! Отбили у варваров землю. Среди камней честно в труде, с молитвами богам, добыли отцы-основатели процветание полису. Кровью и потом политы наши тучные пшеничные поля. Под всяким кустом винограда, под корнями олив Сиракуз лежат белые кости бакхиадов. Не стыжусь за предков! Одарим родством деву из нашего рода? Скинемся на приданое? Поведём на свадьбу *нашу* коринфскую деву?

Стоящие мужи в ответ поднимают утвердительно руки. По странности совпадения поднимают руки не только brave Ксантиклы, но и главы и остальных родов. Мегиста заплаканными глазами оглядывает собрание гаморов. Её губы беззвучно шевелятся. Полидам расцветает в улыбке победителя. Правой рукой старик указывает на невесту:

– Дева воспитана как гамор – благодарит вас! Да и ещё, кажется, считает руки, за неё проголосовавшие!

Добродушный хохот гаморов летит к весенним облакам. Личное горе девушки разделено многотысячной филой всадников. Мегиста находит силы подняться, направляется к главе рода Ксантиклов в Сиракузах. Полиник поднимает правую руку:

– Понимаешь, коринфская дева Мегиста, гаморы на Сицилии пережили не один, а два бунта подлости худых. Мы, добрые Сиракуз, знаем, что такое оскорбление невинных дев! Мы знаем, что такое несправедное изгнание из родных домов! В чём повинны убиенные девы благородных родов? Мы, добрые... – Полиник неожиданно обеими руками указывает на Гермократа. – Мы знаем, что такое месть за утраченное!

Аристократы Сиракуз встают с кресел. Гермократ удивлённо принимает знак почтения от филой всадников.

– Гаморы уважают достойных! Нет подлости худых в наших сердцах. – Полиник обращается к извечному оппоненту Полидаму: – Прошу, дорогой, не падай на землю. Сегодня не только твой день торжества, но и наш. Род аристократов Ксантиклов щедрый! Радость общая. Не забирай всю славу себе *любимому*!

Насмешка добродушно принята не только главой рода, но и столами позади него.

– Родительскую формингу зачем на сисситию принесла? – Полиник поднимает с земли драгоценную кифару из слоновой кости. Улыбается в прекрасные девичьи глаза, утратившие косметику. По-отечески краем гиматия утирает со щёк растёкшиеся чернила египетского карандаша. – Драться ею с нами хотела?

– Песню приветственную приготовила благородной филе всадников. Нет, мой глава рода, драться на сисситии не хотела, – шепчет смущённая владелица форминги. Статная девушка в этот миг невероятно красива! Заплаканная и счастливая Мегиста – сама весна, сменившая зиму. Полиник поднимает высоко над головой семиструнную кифару. Вручает инструмент владелице.

– Возлюбленная фила всадников! Для вас дева-бакхиад из рода Ксантиклов сейчас исполнит приветственную песню! – С теми словами достойный Полиник удаляется к своим столам, всем видом показывая, что сиракузский род всецело доверяет Мегисте. Покидает девушку и Полидам, увлекая за собой протестующего Гермократа. У жертвенного костра остаётся только Мегиста и её защитница-кифара. Из потайной сумки на поясе красавица достаёт благовония. Сыплет их в огонь, громко, во весь голос, клянётся стилем военной присяги:

– Боги милосердные, примите мои искренние слова! Артемида-защитница, о благая, приди ко мне! Я, Мегиста, дочь благородного Харета, буду отныне верна славной филе всадни-

ков Сиракуз. Дочь благородного Харета из Коринфа с благодарностью принимает родство двух сицилийских родов. Обещаю оберегать и защищать интересы гаморов Сиракуз. Клянусь при богах и богинях мстить подлым предателям полиса Сиракуз, покуда жизнь не покинет меня. И да поможет мне в стараниях и радениях о филе всадников богиня труда, славная Эрис!

– Поздравляю! Да позаботятся о молодой семье щедрые боги! – шепчет на ухо Гермократу привычно мрачный Аристарх. – Такой удачный выбор! Дева – настоящая дорийка!

– Щедрые, – охотно подхватывает Полидам. Аристарх мрачно улыбается – у ревнивого старика отличный слух. – Жеребец, а ты только что ввёл моду на восхитительных коринфских невест. Н-да! Намечается прибыток – приданое за деву дадут приличное. Скотина у новой родни племенная, не чета нашей худосочной. В союзе с Ксантиклами многих наглецов подвигнем в филе. – Предводитель аристократического рода довольно потирает руки, как иной трапезит с агоры Ахрадины. Помолодевший до возраста своего воспитанника Полидам восхищённо глядит на невесту – примирительницу соперничавших родов.

– Чудо как хороша! Порода бакхиадов видна даже слепцу. Редкой красоты дева! – Воспитатель треплет волосы приёмного сына. – Десяток годов бы скинуть – отбил бы у тебя невесту. Готовься к печали – наши женщины тебя проклянут.

Неожиданно старик воспитатель хватается себя обеими руками за голову. Снимает венки и разочарованно фыркает. Лицо Полидама принимает горестный вид. Сидящие за столом, числом за двадцать, а с ними и Гермократ с Аристархом вглядываются в глаза предводителя рода.

– Тьфу! По канонам традиций невеста до свадьбы должна жить с родственниками. Мегисту заберут Ксантиклы. – (Гермократ сжимает зубы до скрежета.) – Да-а! – словно увидев прямо перед собой страшного призрака, шепчет Полидам. – Непростые ждут невесту испытания. *Во что* мы её, наивную, впутали! И даже не предупредили! О-ох! – Полидам опускает повинную голову.

– Как бедную девушку примут женщины Ксантиклов? – тут же с тревогой вопрошает безбородый юноша лет семнадцати, сидящий напротив Гермократа. – Они такие же кичливые, как и их мужчины. А традицию нельзя обойти?

– Там таки-и-ие горгоны водятся! Врата Аида им сторожить! Скольким головы в полисе пооткусывали, и не перечеть. Как обойдёшь традицию? Даже не помышляй о таком, – твёрдо отвечает ему Аристарх и стискивает плечи Гермократа. – Крепись. Затравят. Унизят твою радость.

– Твоя красавица Мегиста – мудрая дева-бакхиад. Управится с горгонами Ксантиклов! – наигранно уверенно рычит Полидам. Его правое веко нервно подёргивается.

Глава 4. Приветственная песня и прощальная речь

Девушка легко касается спящих струн кифары-форминги. Старинная родовая кифара в руках Мегисты сладкозвучно поёт. Грустная мелодия поднимается вверх от жертвенного костра к яркому солнцу. Недолгое вступление тоскующей кифары окончено, песня струн приглушается, исполнительница страстно слагает повествование:

*Десять минуло лет, как покинула дом я!
Ночью, беглянкой, по воле чужой,
Я, родной очаг навсегда затушив,
Милый сердцу Коринф поменяла
на тяготы странствий.*

*Те, кто выгнал отца моего
по наветам несправедливым,
Те, кто родины сладкой лишили меня,
имя богов попирая,
Спят спокойно в Коринфе, в кровати моей!
Нету дела подлым до тягот моих на чужбине.
С полей тучных моих обирают воры
мои урожаи.*

*Я же, нищая, за деньги песни пою.
Я же, печальная, за деньги танцую,
Праздники людям музыкой радости
я наполняю!*

*Вот мой горький удел от злых козней худых.
Я не плачу и сочувствия вашего я не ищу —
Гордость предков в горе меня утешает!
Попрошайкой не буду в доме чужом —
Бакхиадам неведома рабская слабость!
Я зажгу в очаге,
что сложу на чужбине,
новый огонь.*

*Здесь, на Сицилии, я сирота!
Мой отец, моя мать
умерли в злобном Милете.
Я на свете одна: нет ни брата,
нет ни родни.
Рок преследует неумолимо —
отовсюду изгнана я.
Вы, как и я, бакхиады – мы с вами тело одно!
Вы познали бунты худых,
вы познали изгнание!
Вы вернули, как я не сумела,
дом свой родной.
Я семью ищу среди вас.*

Приходит черёд Полидама со стороны жениха огласить дату свадьбы. Но место пяти сотен мужей неожиданно занимают суровые архонты. Их пятеро, без отсутствующего в их рядах Гермocrates. Архонтам-фермосфетам безразличны весёлые свадьбы.

– Достопочтимые всадники! – приветствует сисситию старший из них. – Два неотложных судебных дела требуют разрешения. Судебные уложения касаются только интересов нашей филы и потому не подлежат рассмотрению на агорах полиса. – Архонт поднимает дорожный посох. Радостные разговоры стихают.

– Главы пятидесяти родов гаморов, выйдите!

Вызванные благообразные мужи степенно выходят к архонтам.

– Первое дело таково. Если кто из вас не знает, то сообщаю, что в полисе, в квартале Ортигии, на правах гостя трёх семей гаморов проживает беглый афинянин, некий Протагор, по роду занятий софист. Софист Протагор уличён в безбожии... – Гневные выкрики из-за столов прерывают речь архонта. Но он продолжает: – Книга софиста Протагора «О богах» публично сожжена на костре в Афинах. Софист Протагор афинским судом граждан приговорён к смерти. Как вы знаете, любое отрицание богов, публичное поругание веры, а также обучение богохульству в Сиракузах считаются особо тяжкими преступлениями. Нам с вами надлежит решить дальнейшую судьбу гостя филы всадников. Предлагаю выслушать... возможного безбожника, гостя... софиста Протагора.

Предложение архонта не вызывает возражений. Рабы сопровождают Протагора к судьям. Софист входит во враждебное пространство между столами лёгким шагом атлета, готового к соревнованиям. Он шествует прямо к жертвенному костру, игнорируя требование сопровождающих его рабов идти к архонтам. Встав лицом к пламени, «возможный безбожник» присаживается, заботливо добавляет в священный костёр дров. Поднимается с колен, посыпает неизвестно откуда взявшиеся у него в руках благовония. Беззвучно что-то шепчет в небо и предстаёт перед удивлёнными архонтами.

– Софист Протагор, беглец из Афин, приветствует гаморов Сиракуз!

На приветствие Протагора из одной только вежливости архонты вымученно тихо проговаривают: «Хайре!» Сиссития хранит зловещее молчание. Афинянин обводит столы спокойным взглядом и неожиданно продолжает приветствие:

– Богиня Эрис, сестра Арея, призываю тебя, крылатую, позаботиться обо мне на суде.

Устанавливается очень долгая пауза. Собравшиеся удивлены: софист обращается к женскому божеству, не особо-то чтимому, к тому же откровенно жуткому. Архонты сходятся в круг. Должностные лица обмениваются мнениями. Со стороны кажется, что в их рядах раскол. Но вот совещание архонтов закончилось. Старший из них обращается к софисту:

– Бывший гражданин полиса Афин, внесите ясность о целях вашего пребывания в славном полисе Сиракуз.

Протагор принимает положенную строгую позу для выступления перед должностными лицами.

– Я, Протагор, бывший гражданин Афин, скрылся от смертного приговора суда полиса Афин по обвинению в отрицании богов. Вынесенный мне приговор считаю несправедливым. Прибыл в Сиракузы для установления культа почитаемой мною богини Эрис, а так как отправлять культы женского божества может только женщина, то и для нахождения в Сиракузах сиятельной жрицы. Занятие софистикой обеспечивает мне доход, достаточный для безбедного проживания в полисе.

– Софист Протагор, я вас правильно понял, вы признаёте эллинских богов? – уточняет архонт по правую руку от старшего.

– Я, Протагор, признаю богиню Эрис своей покровительницей. Почитаю её божественные установления. – Протагор воздевает к небу руку. По странному стечению обстоятельств

в этот момент в небе, очистившемся от туч, появляется орёл. Крупная птица, расправив крылья, парит кругами над сисситией. Гаморы поднимают головы. Появление орла – добрый знак.

– Софист Протагор, чем может помочь полису Сиракуз учреждённый вами культ богини вражды, раздора и прочих бедствий, с ними связанных? – задумчивым голосом, не сводя глаз с парящего орла, продолжает расследование старший архонт. Благородное собрание фила всадников ожидает от афинянина напыщенной и долгой речи, но Протагор отвечает коротко:

– Богиня труда, спорта и соревнований не почитается. Алтаря нет, нет жертвоприношений и праздников с подобающими Эрис молитвами. Богиня, породившая труд, обижена незаслуженным забвением. Мать богини Лимес...²¹ – (Услышав упоминание Лимес, гаморы перестают любоваться полётом орла.) – Вдохновительница воителей лишена культа, ей, благой, причитающегося. Я, Протагор, готов доказать, что достойное почитание достойной богини Эрис обогатит ваш полис, установит мир и благоденствие на улицах Сиракуз! – Двойное упоминание «достоинства» в отношении пугающей одним своим именем грозной богини погружает сисситию в глубокие размышления. Появляются мрачные тучки. Орёл поднимается выше и исчезает из виду. Протагор замолкает. Софист хладнокровен, держится спокойно – афинянин не боится суда.

– Архонты и главы родов удаляются для вынесения решения по делу софиста Протагора, – после затяжной паузы огласил старший архонт. Пятьдесят мужей и архонты отошли, встали в совещательный круг у пинии. Со стороны видно, как часто мужи прикладывают руки к бородам. Однако в этот раз среди шепчущихся царит единодушие. Гаморы за столами тоже обмениваются репликами. Что и говорить, такой интересной сисситии давно не было. Насупившийся старший архонт подошёл к Протагору:

– Основываясь на установлениях предков, как в части почитания богов, так и в части гостеприимства, архонтами и главами родов софисту Протагору, афинянину, разрешается основать под надзором архонтов культ богини Эрис. А также подобрать жрицу, эллинку происхождением, из жительниц полиса, для отправления культа Эрис Сиракузской, попечительницы соревнований, матери созидательного труда. Разрешено составить и фиас²² из почитателей богини Эрис.

Установилась тишина, не нарушаемая никем из присутствующих.

– Разрешается софисту Протагору преподавание в полисе Сиракуз, – продолжил наконец архонт. – В целях лучшей доступности для учеников собрание гаморов наделяет бывшего гражданина Афин, Протагора, участком земли без права наследования. Также метеку Протагору поручается составить трагедию в честь богини Эрис.

Архонт поднял посох. За ним выстраиваются архонты и главы родов.

– Переходим к рассмотрению второго судебного дела.

Протагор намеревается покинуть место суда, но архонт останавливает его. Софист вновь принимает подобающую судебному разбирательству строгую позу, поправляет складки на одежде.

– Вызываются гаморы Мирон и Граник. Сторона обвинения, предстаньте перед нами!

Из рядов глав семейств выходит сердитый Полидам. Вскоре перед судьями предстают обескураженные Мирон и Граник. Архонт обращается к главам родов:

– Достопочтимый гамор Полидам, огласите ваши претензии к гаморам Мирону и Гранику.

Друзья наконец-то находят взглядами Гермократа, сидящего за столом. Тот сокрушённо разводит руками – архонт-фермосфет не может ничем помочь, он не приглашён к рассмотрению дела.

²¹ Лимес – богиня голода.

²² Фиас – древнегреческое религиозное объединение или община для совместного отправления культа.

– Я, Полидам, предводитель рода бакхиада Хириософа, потомков Гераклидов, что основали полис Сиракуз, обвиняю гаморов Мирона и Граника в нарушении сыновних обязанностей. Требую с упомянутых гаморов взыскания в части пренебрежения традициями при совершении брачных помолвок. Гаморы, воспитанные мною, не поставили меня, их опекуна, а также предводителя их рода, в известность о намерении вступить в брак с коринфскими девицами, бакхиадами младших родов.

Раздаётся единодушный злой перестук кулаков по столам. Проступок Мирона и Граника требует публичного порицания. Архонт призывает аристократов к тишине и тоном глубокого сочувствия просит Полидама продолжать, возложив руки на плечи «скорбящего». Полидам впивается немигающим взглядом в Мирона и выкрикивает:

– Литургия!²³

Главы родов за спиной старшего архонта согласно кивают. Суровый архонт неожиданно оборачивается к внешне равнодушному Протагору:

– Софист Протагор, вам было поручено составить трагедию.

Протагор приложил правую руку к груди. Архонт обернулся к Мирону и Гранику:

– Филадельфия всадников налагает на гаморов Мирона и Граника литургию – поставить за свой счёт трагедию софиста Протагора в честь богини Эрис. Срок исполнения литургии – сорок дней, отсчёт от дня сисситии. После литургии вам будет дозволено испросить согласие у вашего воспитателя на браки с девицами из младших родов бакхиад Коринфа. Ответственным за соблюдение литургии назначается... – (Главы родов одновременно, не сговариваясь, почему-то смотрят на вставшего из-за стола Гермocrates.) – Назначается архонт-фермосфет Гермocrates.

Всадники неохотно покидают весеннюю сисситию. Прощаются. Тучи исчезли, солнце радуется летним теплом. К пинии выстраивается очередь. К Полидаму, принимающему поздравления с удачной сисситией и примирительной свадьбой между древними родами, подходят Мирон и Граник. Три десятка мужей, стоящих позади предводителя рода, замолкают. Старик обиженно смотрит на подошедших, останавливает взгляд на руках Мирона.

– Только попробуй показать мне кулаки, засранец.

Громадный Мирон демонстрирует Полидаму открытые ладони. Теперь колющие глаза Полидама встречаются с глазами Граника, который быстро отводит взгляд и тоже показывает ладони.

– Отец... – бубнит под нос атлет Мирон, но Полидам не слышит его. Воспитатель «полирует» взглядом покрасневшего Граника.

– Прости нас, – тянет виновато Граник. – У тебя такой крутой нрав! Ты бы никогда не дал разрешения на брак...

– *Отец?! Крутой нрав?!* – язвительно перебивает Граника Полидам. Несмотря на тон, заметно, что старик доволен унижением обидчиков. – Вы слышали филу? Вам обоим назначили литургию. А разрешение отеческое вам всё равно придётся спросить у меня. Я ещё подумаю, дать его или нет. Память у меня о-очень крепкая. *Крутой нрав?* Да неужели? Я же сама доброта! – Полидам обернулся к мужам, стоящим позади него, те сдержанно улыбнулись: «крутой нрав» Полидама – это ещё мягко сказано.

– Думайте теперь, нечестивцы, днями и ночами, как задобрить меня. Ведь вашему преданному другу удалось меня уговорить! – надменно бросает воспитатель.

Мирон и Граник удаляются под сочувственными взглядами мужей рода. Два друга спешат к воротам поместья, там их ожидает одиноко стоящий Протагор.

– Гермocrates, ты где спрятался? – Полидам вновь оборачивается к окружению. Мужья выводят к Полидаму юношу, снимают с его рта руки-кляпы. – Твои друзья повинились предо

²³ Литургия – государственная повинность, налагаемая на богатых граждан и метеков.

мной, уезжают с афинянином. Тебя бросили и лошадь тебе не оставили. Дружбе вашей, никак, конец подошёл?

Вокруг раздаются саркастические смешки. Гермократ смотрит в спины Мирона и Граника.

– Видишь, какие у тебя друзья – убегают, поджав хвосты, и даже не ищут тебя! Я твой отец, и я твоя мать. Только мне одному ты и нужен! – зло сквозь зубы цедит воспитатель. Конечно, старик перегнул, но никто из мужей рода не хочет перечить опасному ревнивцу. И Полидам надевает маску веселья – победа одержана, разве не к этому он стремился? К нему подходят представители других родов. Им, верным соратникам по спорам в филе, Полидам выдаёт припасённую шутку:

– Ты, безлошадный, не уходи, я лошадь тебе займу. Так и быть, под хорошие проценты.

Смешки перерастают в раскатистый хохот. Но Полидам не унижает Гермocrates. Напротив, старик нежно стискивает любимца в объятиях. Шепчет ласково на ухо: «Кое-кто из моих домашних хочет поздравить тебя с женитьбой».

Глава 5. Горгоны Ксантиклов

Напрасно Мегиста пытается разглядеть что-либо сквозь покрывало невесты: ткань хоть и неплотная, но верный союзник Ксантиклов – хитрые узоры плетения – радуют только сторонних наблюдателей. Невесте, увы, видна лишь посыпанная песком ровная дорога под ногами. Голоса вокруг незнакомые. Разговоры звучат непонятные – о литургии двух всадников... Имена наказанных не называются. Пятеро спорщиков оценивают стоимость театральных постановок. Расходятся в оценках затрат.

– Мой Проксен, им придётся нанимать хор! – звенит позади юношеский голос. – Актёров искать издалека, задорого, по соседним полисам.

– В сорок дней предписано уложиться! – откуда-то спереди звучит удивлённый басок подростка. – Это же надо же! Придумать за сорок дней огромную трагедию, длиной от восхода до заката! В певческих-то стихах!

– Тяжкие труды предстоят! – грустно отвечает ему голос постарше. И уверенно заключает: – Деркелид, им, нечастным, втроём не осилить литургию.

– Ещё и надзор судебный установили. Капкан это, а не литургия! А если постановка провалится? Денежным штрафом тогда бедняги не отделаются. Может, кто им поможет? – угуромо заключает солидным басом, возможно, тот самый Деркелид.

– Агис, дорогой ты мой, да никто из гаморов не согласится пособлять несчастным, – вступает приятный голос зрелого мужа. И пренебрежительным тоном, вполголоса: – Стоило ли так рисковать? *Ради кого?..*

Неожиданно позади идущих раздаётся громкий, сердитый хлопок в ладоши. Возможно, шествие невесты нагоняет ещё один муж? Спорщики тут же замолкают. Мегиста вдруг отчётливо понимает, что неведомые собеседники говорили о ней и о её подругах. Хотя девушка под тканым покрывалом не видит взглядов, но кожей ощущает их осуждение. После резкого хлопка сопровождающие идут молча.

Дорога приводит не к парадным воротам поместья, через которые гостя прибыла на сисситию. Храп лошадей, запах навоза и сена, суета рабов, скрип повозки – возможно, конюшни Полидама? Процессия останавливается. Мужчины по обеим сторонам бережно поднимают и усаживают Мегисту в телегу, на белые шкуры коз. Кто-то вложил ей в руки пышный букет цветов и на ушко вкрадчиво шепчет:

– До свадьбы двадцать дней. Двадцать дней будешь жить у меня. – Это знакомый голос Полиника. – В почёте. В гинекейоне с моей женой и дочерьми.

Голос Полиника радостен, но слова его звучат как суровый приговор. Мегиста под покрывалом тяжело вздыхает, кивает головой. Телега тут же трогается в путь на Сиракузы.

Просторный двухэтажный дом предводителя Ксантиклов в Ортигии имеет два входа. Почётным, с резными вратами на бронзовых накладках, обращён к храму Афины. Повседневным, попроще, выходит на улицу торжественных шествий; эти ворота без бронзы и резьбы, собраны из отслуживших свой век частей боевых кораблей. Мегисту подводят к повседневным воротам, изъеденным червём и волнами. Полиник берёт правую руку девушки, прикладывает её пальцы к пёстрым лоскутам обшивки некогда грозных боевых бортов.

– Коринфская дева, знай: ворота в мой дом – память о героической славе рода Ксантиклов. Архий, что командовал первыми переселенцами, из нашего рода. Потрогай его славу. Ты же наша, родная! Боги помогли тебе в правильном выборе спутника жизни. На первом корабле с Архием прибыли и предки Гермократа, что из рода Мискелла, основателя италийского Кротона. Многие, кого ты видела сегодня на сисситии, не бакхиады вовсе, хоть и всад-

ники. Только две сотни семей полиса настоящие бакхиады. Половина филы гаморов – потомки селян Тенеи²⁴.

Полиник, накрыв своею ладонью руку девушки, водит её пальцами слева направо.

– Свирепая засуха и чёрный мор заставили нас покинуть родной Коринф. Хвала богам-покровителям! Вас же, оставшихся, покосили тираны Кипселы. Нам, на Сицилии, повезло больше вашего. Расскажу тебе о золотых венках и о слезах, здесь, на Сицилии, обретенных. Ты, дева-бакхиад, обязана песни сложить о родственниках – колонистах-переселенцах. У тебя же, как говорят, дар от богов песни слагать?

– Выучу имена славных сицилийских бакхиадов, мой отец. Запомню, что скажешь, о предках. Песни-молитвы сложу о Ксантиклах. – Мегиста благодарно склоняет голову. – Обещаю, почтенный Полиник!

Полиник тянет на себя массивную створку ворот – смазанные ворота неслышно открываются, и удивлённый глава рода застаёт на пороге дома «непобедимую армию»: перед ним восседает, стоит, ест и пьёт женская часть семьи, ближайшая родня, тоже из женщин, и прислуга. Мегиста, как и положено, правой ногой переступает порог дома. Полиник снимает покрывало невесты и держит его в руках с гордым видом скульптора, являющего своё творение.

Мегиста осматривается. Внутренний дворик дома занят женщинами. Их очень много, не меньше ста пятидесяти! Они разных возрастов – от двенадцати до пятидесяти лет, в праздничных ярких, узорчатых одеждах, у некоторых и высокие сложные причёски. Те дамы, что в первых рядах, сложили на животах руки и критически, не стесняясь, рассматривают гостью. Служанки, что в дальних рядах, сжимают дорогую чёрного лака посуду с напитками и едой, откровенно враждебны. Словно поле с лесом сошлись в рядах хозяек благородного дома – нет единства среди них. У гостыи перехватывает дыхание. Глаза наполняются слезами. Мегиста кланяется женщинам Ксантиклов. Слезы остаются в глазах. Губы плотно сжаты – она готова принять удар.

– Коринфская дева-бакхиад из рода Ксантиклов, по имени Мегиста! – громко, на всю улицу объявляет Полиник. В ответ – звонкая тишина. Тишина подозрительно-зловещая. Женщины рода Ксантиклов не намерены соблюдать даже видимость приличий. Полиник подталкивает Мегисту к недружелюбным хозяикам, пятится назад к настороженным мужам, ожидающим у ворот.

– Никак мятеж кровавый назревает, – серьёзным тоном шепчет сыну дальновидный глава рода. – Надо покинуть дом, пока нас не подмяли... заодно. Пойдём к Гермократу стовариваться о приданом.

Сын согласно кивает отцу и прикрывает створки ворот. Полиник, будучи не в силах сдерживать любопытство, приникает к узкой щёлке.

– Как ты, убийца-отравительница, *посмела* к нам явиться? – раздаётся гневный голос из рядов встречающих женщин. Гостыя не успевает ответить на вопрос, слышится властный окрик:

– Да подожди ты!

Осуждающая не смеет перечить старшей по рангу.

– Ходят слухи, что вас троих за отказ принять свадебное предложение... отвергнутые женихи *наказали*? – новый голос, девичий, наполнен задушевной жалостью.

– Наказали за отказ. Избивали. Насиловали. Душили. У нас троих не было защитников, – звучит печальный ответ. Отлетает чей-то скорбный вскрик. Дослушать женский разговор Полинику не удаётся. Кто-то с той стороны твёрдым, решительным шагом подходит к воротам, закрывает их плотно на неподъёмный засов из корабельной мачты. Из-за ворот дружным хором раздаются сочные проклятия и пожелания судьбы в адрес *убогих ионийских ублюдков*.

²⁴ Теня – древний город на северо-востоке Пелопоннеса, около Микен, в 8 в. до н. э. часть коринфского государства.

Полидам, нежно распрощавшись с последним участником сисситии, в окружении мужей рода уводит потерянного Гермократа в дом. Гермократ, идя следом за довольным Полидамом, что-то невнятно напевающим, часто оглядывается в надежде увидеть силуэты друзей. Но надежды юноши тщетны.

– Да-да, уехали... уехали твои друзья. Уехали и не попрощались с тобой. – Полидам обращается к любимцу. Улыбается во весь рот, полный ровных зубов. – Можешь не искать их.

И то верно. Гермократ оставляет напрасные поиски, под взглядами окружения Полидама напускает на себя равнодушный вид. Мужики входят в хозяйский дом.

– Помнишь, как ты тут в прятки со мной играл? Прятался ловко за колоннами? – довольно молвит воспитатель. Смеётся от приятных воспоминаний. – Ну иди, шалун, в кухню, там тебя ждут.

Гермократ выполняет поручение Полидама и нежданным продолжением слышит в спину:

– Слышь, сынок? – Гермократ оборачивается с середины внутреннего двора. – Потом возвращайся к нам в андронитид. Вином отметим успешную сисситию!

Гермократ согласно поднимает правую руку и входит в приятно пахнущую пирогами кухню. После заманчивых запахов Гермократ ожидает увидеть занятых кухарок или поваров, но вместительная, всегда занятая кухня пуста. На столе выставлен огромный, благоухающий, только что испечённый пирог. Вид у пирога нарочито свадебный – румяный верх украшен узорами в виде пар птиц, то целующихся, то летящих вместе, то сидящих на гнезде с яйцами. Юноша разглядывает искусные узоры и, казалось бы, не замечает юной девочки-подростка, что приближается к нему со спины с ножом в руке. Девочка бесшумно крадётся на цыпочках. Нож острый, поблёскивает наполированной бронзой в лучах весеннего солнца.

Гермократ наклоняется к пирогу, осторожно кончиками пальцев касается гнезда воркующих птиц. Неизвестный мастер искусно сплёл ветви в гнезде. На ветках – листочки, в листочках прожилки. Кажется, ветки шевелятся под весом птиц и их потомства. Какая тонкая работа! Тесто удержало форму в печном жару... Юноша восхищённо цокает языком. О чём-то своём задумывается, низко склонившись над пирогом. Девочка тем временем беззвучно приближается. Длинный тяжёлый нож, почти кинжал, остриём касается ткани плаща.

– Что же ты медлишь? – Гермократ вдыхает запах свадебного пирога, словно бы это его последний вдох. Шепчет румянному пирогу: – Доводи до конца задумку!

– Хочу угостить *праздничным* пирогом... тебя... – наивным голосом сладко поёт девочка, – дорогой мой человек!

– Угощай. – Юноша не отрывает взгляда от птиц, не спешит обернуться. Девочка изящно огибает стол и встаёт ровно напротив юноши. Их взгляды встречаются. Высокий тринадцатилетний подросток насмешливо оглядывает венка гостя. Подросток обещает превратиться, уже очень скоро, в утончённую красавицу-аристократку. Длинные, до пояса, волосы белокуры, цвета исключительно редкого и оттого ценимого среди эллинов.

– Что-то не так, Оливия?

– Венок потрепался. Хочешь, ножом поправлю, *мой муж*?

Гермократ распрямляется. Закрывает ладонью глаза. Нож приходит в движение. Бронза красиво режет свадебный пирог, разделяя птиц в гнезде, старательно огибая яйца-потомство. Солидный кусок мясного пирога клубится парами на ладони девочки. Пирог ещё горячий, но Оливия упрямо терпит жар. Юноша принимает угощение с благодарностью во взгляде. Надкусывает аппетитный ломоть...

– Я в пирог ядовитой крошки подмешала, – блаженно улыбаясь, напевно молвит девочка. – Точь-в-точь как твоя *новая подруга*, беглянка с Коринфа.

– Ух ты! Да ты что! *Как моя Мегиста?* – Гермократ от души смеётся. Оливия передразнивает его смех. – Острой-преострой крошки? Чтобы подольше помучился животом? Перед смертью? Так? Да?

Девочка, довольная оглашением своей коварной задумки, часто кивает головой. Юноша жадно поглощает «отравленный» пирог.

– Что-то не почувствовал пыточной крошки. А яд-то где ужасный? – Гермократ улыбается. Вкуснейший, свежайший свадебный пирог исчез без последствий.

– Поэты говорят, что за весной приходит лето, за летом осень, за осенью зима. Я люблю тебя, как любят первый раз. Моя любовь весенняя. За ней должна прийти иная любовь, летняя. Поэты говорят, что летняя любовь, возможно, будет совсем к другому человеку. Будет яркой, как сочные летние ягоды. А осень одарит женщину страстью урожая. Но я не хочу летней любви. Я страшусь осени. Я весна. Хочу всегда оставаться весной. Хочу любить по-весеннему. Пусть я ещё наивный цветок, в цветке есть очарование весны. Я люблю тебя! – Оливия укладывает нож на место отрезанного куска. – И в отличие от тебя... *подлого предателя*... я тебя дождусь! – С теми взрослыми словами свадебной клятвы подросток гордо покидает кухню.

– Спасибо за угощение, Оливия, – едва успевает сказать ей вслед восхищённый юноша. – Друзья с тобой по любви или враги по любви?..

– Не за что, *предатель!* Друзья по любви! – нежно доносится из глубины кухни. Гермократу не видно, как в темноте утирает слёзы горькой обиды юная Оливия.

Мужи Ксантиклов во главе с Полиником, облачённым в свадебное покрывало невесты поверх нарядного плаща, не найдя Гермократа у него дома, отправляются по домам друзей в кварталах состоятельной Ахрадины. По дороге в Ахрадину мужи отвечают на расспросы паломников и знакомых, принимают положенные для свадеб поздравления и вальяжно шествуют, напевая песни богам, к агоре.

Поздний вечер теплит ранние звёзды. В ворота дома Гермократа долго и упрямо наступают кулаком.

– Хозяин дома? – В проём заглянул опрятного вида юноша в оливковом венке. От уст вопрошающего явственно веет вином. Поздний гость налегает на ворота, гамор плохо держится на ногах.

– Дома. – Бритоголовый раб-страж ворот, того же возраста, что и гость, услужливо предлагает гамору левую руку. Правой опирается на тяжёлую дубину, окованную бронзой. Гость оборачивается назад, в темноту, и с почтением в голосе говорит:

– Отец! Архонт-фермосфет Гермократ ожидает нас.

Ворота настезь распахиваются, два десятка нетрезвых мужей, среди которых видны не только Ксантиклы, но и известные трапезиты с гражданством, вваливаются во внутренний двор. Прямо посередине двора, сидя в кресле, в окружении вольноотпущенных скифянок, хмурый хозяин предаётся возлияниям. На грустных девушках варварская одежда: кремовые штаны из тонкой шерсти, с начатой узорной вышивкой, белые просторные рубашки чуть не до середины бёдер, сапожки со звериной аппликацией, нашитой поверх кожи собственными стараниями. Девушки поднимаются с кресел, освобождая их для вечерних гостей.

«Где, когда и, самое главное, на какие деньги скифянки обзавелись дорогой одеждой?» – угадывается немой вопрос в глазах гостей.

– Да позаботятся боги о Ксантиклах! – трезвым голосом приветствует вошедших Гермократ и прикладывает правую руку к груди. Завидев и трапезитов, хозяин вслед за скифянками покидает кресло, покрытое медвежьими шкурами. Хищно оскаленные морды медведей блестят жёлтыми зубами в огнях масляных ламп, что держат у бёдер скифянки. Хозяйское кресло грузно занимает уставший Полиник. Ксантиклы, трапезиты выстраиваются полумесяцем вокруг стоящего Гермократа и сидящего Полиника.

– Определелись с приданым, жених! – оглашает довольный Полиник и важно поправляет на голове венок.

А вот у хозяина, возможно, двоится в глазах. Гермokrat тихо спрашивает юношу-при-
вратника, точно ли пред ним Полиник, а не Полидам. В ответ неслышно, одними губами: «Да,
мой хозяин, Полиник, точно он».

– Крепко стой на ногах, гамор Гермokrat! Трапезиты подкинули богатств к нашим накоп-
лениям. Мало тебе не покажется. – Только сейчас пьяный Полиник замечает, что и жених
серьёзно пьян. – А чего это ты такой невесёлый?

– Достойный Полиник, как там любовь моя в твоём... гостеприимном доме поживает? –
Вопрос встречает дружное понимание буквально у всех присутствующих. Трапезиты поми-
нают женское злословие, забыв про завидные имущественные пополнения жениха. Разом поки-
дают дом Гермokrата и... осторожно теньями пробираются, скользя вдоль стен, к дому Поли-
ника. Уже в пяти домах от него разведчики наблюдают шумную толпу женщин у ворот.
Слышится скорбное невольничье пение...

– У тебя дома удобная кровать найдётся для меня? Выдержанное вино в достатке? –
тихо спросил «призрак Полиник» у «призрака Гермokrата». – Основательный мятеж в моём
доме. Родные женщины сбились в тяжеловооружённую филу и отложились в независимости,
фалангой, от нас. Нам сейчас туда нельзя. Тут напором... не одолеть. Осторожностью будем
действовать. Пусть выгорит... тогда и вернёмся. Поживу у тебя, жених, дня два?

Гермократ в знак согласия жмёт руку предводителю рода Ксанктилов. Трапезиты, Ксан-
тиклы и Гермokrat тихо покидают чрезвычайно опасную ночную улицу.

...Едва тяжёлый засов запер корабельные ворота, как женщины Ксанктилов за руки
повели Мегисту в центр внутреннего двора. Словно разноцветные цветы Сицилии, окружили
плачущую девушку. Вихрем сменяются перед Мегистой глаза разных красок.

– Аглая... – Карий цвет, их обладательница властная, умная, энергичная дама в годах.
Морщины не портят её, а лишь подчёркивают непростой и твёрдый характер.

– Мирра... – Чёрные глаза, яркая замужняя красавица лет тридцати.

– Ананке... – Серые... Милая и восхитительная девушка, непоседа лет шестнадцати,
на выданье.

– Ариста... – Насмешливы зелёные глаза, правильны черты, чуть вздёрнут носик, замуж-
няя очаровательная женщина лет двадцати пяти.

– Деметра... – Оливковые серьёзные глаза, печальная, утончённо-прекрасная задумчи-
вая девушка лет восемнадцати, на выданье.

– Агтида! – Звонкий голос, янтарные глаза, пронизательный взгляд, чарующей улыбкой
одаряет гостью прелестная замужняя женщина лет двадцати восьми.

– Ксанктилы, не так быстро! По одной подходите. Она не запомнит всех сразу. Обряд
знакомства кто помнит? – командует Аглая, подмигивая Мегисте. – Знаешь, дева Мегиста,
многое мы претерпели, всё в страданиях незаслуженных, как и ты. Нам тоже есть что вспом-
нить... *наша невеста!*

Глава 6. Лавка духов Писандра

– Просыпайся, архонт-фермосфет! Слышишь, тебе, жених, говорю! – Гермократа кто-то тормозит грубо за плечи. Юноша неохотно открыл глаза, голос кажется очень знакомым. Вчерашний венки мешает смотреть. Юноша сбрасывает с себя жухлые листья. Будят его... Мирон и Граник. Гермократ резко вскакивает на ложе в андроне своего дома, шумно выдыхает от изумления:

– Не может быть!

– Удивился! – Граник протянул руку проснувшемуся хозяину. – Думал, что дружба закончилась?

– Я так рад вас видеть! – Голос едва проснувшегося похож на полубезумный хрип.

– А неплохо вы тут вчера вина полили *за нашу невесту!* – Мирон оглядел пустые амфоры. – По-скифски, не разбавляя, я смотрю, выпивали!

– Тихо ты! Разбудишь! – прошептал Мирону Гермократ и осторожно покинул ложе. Мирон всмотрелся в лица спящих и опознал в них Ксантиклов. Басовитый храп Полиника заставил замолчать. Трое друзей на цыпочках покинули андрон. На кресле, что в центре внутреннего двора, покоилось аккуратно сложенное свадебное покрывало невесты. Гермократ улыбнулся, взял его в руки и прижал к губам.

– Полидама не боюсь! – вынес смелое суждение Мирон. – Происки его вчетвером одолеем. Гений Протагор уже работает над трагедией. Раскола унижительного не вышло.

– Конечно, одолеем! Наш софист так воспрянул от поручения! Сияет, смеётся, танцует, стихами с нами говорит, – подхватил довольным тоном Граник. – Расставил колышки в твоём поместье и ходит между ними. Непреложный закон трагедий, говорит, составить нужное настроение зрителей от акта к акту. В финале же драмы обрушить пением хора зрителей в катарсис!

Гермократ передал сложенное покрывало скифянкам, незаметно появившимся из-за деревянных колонн, жадно выпил воду из керамического ярко-красного ритона²⁵, услужливо протянутого Сибарис. Приял свежий белый хитон из рук Сикании. Облачившись, накинул небрежно на плечи синий плащ-хламис. Сикания застегнула бронзовую застёжку ему на плаще. Юноша поблагодарил суровых видом скифянок за заботу, и три друга покинули дом, как и прежде, вступая в новый день в совместных замыслах. За их спинами Сибарис поцеловала его грязные одежды, что-то шепча на непонятном языке. Сикания с улыбкой допила остатки воды из ритона, подолгу держа воду за щеками.

– Куда идём? – спросил с недоумением Гермократ, ожидавший поворота на агору Ахрадины. – Нам разве не туда?

Друзья вели его к верфи Ортигии.

– Пошли-пошли. Тебе подарок, – заговорщически усмехнулся Мирон.

– Какой подарок? Протагору же надо помогать. Он же там один с ритмами музыки в словах борется. Хор искать! Музыкантов! Актёров! Реквизит! – шумно запротестовал на ходу Гермократ. – У нас так мало времени, а вы...

Меж тем друзья хитро обошли дом главы Ксантиклов, миновали улицу, ведущую к источнику Аретузы, и вышли к шумной верфи.

– Так, встанем-ка здесь. – Мирон указал на каменный угол здания верфи. – Гермократ, пригнись. Ага, вот так, правильно.

– Я вас не пойму! Будем помогать плотникам?

²⁵ Ритон – сосуд в виде рога, использовался в обрядах и возлияниях.

– Друг... – таинственным голосом обратился к нему Граник, но звук чьей-то пилы заглушил его дальнейшие слова.

– Что-что? – переспросил юноша, но в этот момент вновь вступил чавкающий шум пилы. Тогда Мирон подтянул к себе недоумевающего Гермocrates и зашептал ему что-то на ухо. С каждым словом серое, не выспавшееся после ночных возлияний лицо Гермocrates просветлело и наконец расцвело красками весны. Пила замолкла.

– Спасибо! – только и успел сказать Гермocrates, как принялся за работу тяжёлый топор.

Трое друзей внимательно наблюдали за посетителями, входящими в скромную лавку духов через узкую улицу от верфи. Писандр, владелец заведения, умаслённый до блеска оливковым маслом, опершись на резную трость, явно кого-то ждал на пороге лавки. Рядом с ним стоял невозмутимый управляющий-ливиец. Мимо праздных аристократов пронесли оструганные доски, новые снасти, камни со сквозными отверстиями для якорей. Никто из занятых работников верфи, жителей кварталов Тихе и не пытался узнать, что в полдень буднего дня у верфи Ортии делают молодые люди.

Ожидания гаморов оказались не напрасны. Группа богато одетых женщин приблизилась к лавке. Их четыре, в длинных, до пола, светлых узорчатых платьях из египетских тканей, платья эти облегают тела, красиво обтекают изящные щиколотки при каждом шаге. На головах у женщин, ах-ах, роскошные, мягко струящимися складками, заговорённые милетские платки. Платки ниспадают на плечи – яркие, с поблёскивающей в лучах солнца золотой вышивкой! Благородные цвета – красный, сине-фиолетовый, пурпурный – сочны, как спелые ягоды. На улице не многолюдно. Дамы ведут спокойную беседу меж собой. Писандр, оставив в сторону трость, низко поклонился клиенткам издалека. Управляющий-ливиец исчез в лавке. Четыре женщины, закрыв лица платками, подошли к лавке духов. Две из них, постарше, сразу скользнули внутрь. Две юные остановились у входа, видимо ожидая своей очереди.

Писандр оглянулся на гаморов-друзей. Каким-то дивным образом опытный торговец знал, кто стоит у стен верфи. Одна из девушек – Мегиста. Она, счастливая, с улыбкой, уже нашла взглядом жениха. Её собеседница, красавица лет шестнадцати, из Ксантиклов, бдительно поглядывая в проём лавки, мельком улыбнулась – сдержанно и очень мило. У Мегисты мелькнул в пальцах краешек белого лоскутка, девушка Ксантиклов прикоснулась рукой к локтю Мегисты, и они вдвоём вошли в лавку духов. Писандр приложил руки к груди и тоже исчез в недрах лавки.

Гермocrates навалился всем телом на угол главного строения верфи. Прижался виском к тёплому камню, поднял лицо к весеннему небу, жадно вдохнул запах сосны и клея и благодарно зашептал молитву. Какое же блаженство найти то, что казалось потерянным! Длинный, мучительно долгий день утрат сменился чудесным полднем обретений. Море приятно шумит волнами позади, ласковое солнце припекает, как летом. Возлюбленная Мегиста рядом. Рядом и преданные друзья. Юноша смежил веки. Дрёма накрыла его пеленой почти сбывшихся грёз.

Трое друзей не заметили, что позади них появился ещё один наблюдатель за лавкой Писандра. Нерадивый работник верфи, что нёс в огромной плетёной корзине кисти и краску для бортов торгового судна, забыл о своих обязанностях! Мастеровому лет двадцать, он худощавого сложения, с чёрным густым кудрявым волосом, нос с горбинкой, ростом как и гаморы. Одет юноша в грубый короткий подвыцветший чёрный экзомис. Руки, лицо мастерового перепачканы синей краской. Парень, набравшись смелости, кашлянул, Граник и Мирон оглянулись.

– Гаморы! Тисамен я. Эллин, гражданин Сиракуз, – робко проговорил работник.

– Хайре, Тисамен, – лениво прозвучало в ответ. Мирон и Граник хотели уже отвернуться от незнакомца, но тот торопливо заговорил:

– Хочу обсудить вашу литургию – трагедию в честь богини Эрис.

Брови Мирона удивлённо поднялись.

– Конечно, гражданин Тисамен. Не откажемся от твоей помощи. Приходи сегодня вечером. Знаешь, где я живу? Обсудим литургию, – миролюбиво отозвался Граник, и Тисамен поспешил к кораблю, стоявшему на стапелях.

– Кто бы мог подумать, что Тихе интересна наша литургия! – поиграл бровями Мирон. Двое друзей недоумённо переглянулись и тут же забыли о странном юноше. Что-то женщины Ксантиклов долго не появляются...

А в лавке тем временем хлопотали Писандр, управляющий и слуга. Управляющий-ливиец, надев на лицо подобострастную серьёзность, стоял с масляной лампой наготове, чтобы вовремя подсветить товар. Писандр отличный торговец: в лавке, пусть она и скромных размеров, царит строгий порядок. Помещение с небольшим окном на восток выкрашено в белый цвет. Крепкие, из корабельной сосны, стеллажи, их три, заставлены до ровных потолков расписными сосудами. Чего тут только нет! Глаза разбегаются от изобилия.

Вот полка справа, на ней духи в расписных разноцветных алабастровах²⁶. Их, наверное, несколько сотен? А сколько узнаваемых клейм! Изделию каждой известной фабрики благовоний Эллады нашлось место на полке справа. Стараниями торговца расположение алабастронов подчинено логике, понятной покупателям. Сперва очень известные и популярные ароматы, за ними, словно солдаты, выстроились схожие нотками, но малоизвестные или только появившиеся духи.

На правых полках среди пёстрых алабастронов с причудливыми узорами и рисунками – ряд скромных арибалов²⁷. Всё больше умещения для атлетов. Ряд помечен керамическими фигурками мужских божеств.

Полка напротив входа, под самым потолком, с бежевыми лидионами²⁸, в них запечатаны нежные египетские и волнующие персидские ароматические масла. За лидионами следуют чёрные племохойи²⁹. Там яркие и даже броские ароматические масла Эллады. За племохойями выстроились расписанные цветами по черни эпихизисы³⁰. Эпихизисы прибыли от соседей-этрусков, изящные сосуды для косметических процедур заполнены по голышки секретными ингредиентами. К сосудам подвязаны дополнительные кожаные мешочки с сухими смесями благовоний. Осталось только развести кипятком, прочесть молитвы и дать настояться.

Под эпихизисами – свадебные ряды. На них красуются обязательные лебес гамикос³¹. Художники постарались на славу. Грандиозное событие необходимо наполнить подобающей красотой. Лебес гамикос в волнующих картинках свадебных ритуалов. Каждая деталь священных обрядов выверенно точна. Изысканные сосуды достойны стать дарами для невесты. Перед сосудами камешки, с помощью них опытный торговец распознаёт, где свадебные душистые масла, а где дорогое жертвенное свадебное вино для богов.

На полу выставлены разнообразные калафы³². Каких тут только нет калафов! Писандр постарался, вкус у торговца тонкий: бронзовые, керамические простые, керамические расписные, из дерева и даже из тонкостенного серебра! Достойные цветочные корзины Персефоны найдут место на свадьбах, празднествах Афины и Деметры. Торговец не жаден – в калафы вложены бронзовые серпы под женскую руку для сбора цветов и душистых трав.

²⁶ Алабастрон – грушевидный сосуд с округлым дном для хранения ароматических жидкостей.

²⁷ Арибал – сосуд небольшого размера округлой формы, с узким вытянутым горлышком, использовался мужчинами. Крепился ремнём к запястью.

²⁸ Лидион – керамический сосуд сферической формы, с узкой конической ножкой.

²⁹ Племохойя – сосуд для хранения благовоний, шарообразной формы, на подставке, с крышкой.

³⁰ Эпихизис – керамический сосуд, с тонким горлышком и высокой изогнутой ручкой.

³¹ Лебес гамикос – керамический сосуд округлой формы, крупного размера, две ручки и длинное горлышко.

³² Калаф – ритуальный сосуд в виде корзины.

Полки слева тоже не пустуют – уже утомлённый взгляд посетительницы оживится и найдёт на них необходимые пиксиды³³ – из слоновой кости, из самшита, из бронзы и алебаstra. Шкатулки расписаны сценами любовных признаний, проводов невесты, подготовки к свадьбе. Среди традиционных пиксид есть и новомодные – круглые и плоские, с ручками в виде танцующих бронзовых лошадей на крышках. Да-а-а, в таких вместительных пиксидах найдётся место для египетских карандашей, перстней, браслетов... В иных, с гордыми боками, можно и диадему с удобством разместить, при случае прихвастнуть перед подругами. А вот и сами египетские карандаши – в стопках, связаны бечёвкой, рядом кисти, сухие краски для лица в холщовых мешочках и расчёски. На полу бесчисленные аскосы³⁴ и ольпы³⁵, в них заколдованное благовонное масло из Афин и Фив для свадебных светильников.

– Откупорьте этот алабастрон, – указывает Аглая. Писандр уже готов был открыть известные коринфские духи с тяжёлым ароматом цветов и древесными нотками, как вошедшая Мегиста произнесла нежным голосом:

– А может, стоит попробовать вот эти?

Аглая оглянулась на девушку. Управляющий с лампой поспешил за Мегистой. Невеста указала на ряд с духами из Афин и в нём – на ярко-красный алабастрон с фиолетовой полосой-зигзагом.

– Я буду пахнуть не по возрасту. Я буду пахнуть как ты.

Аглая сдержанно улыбнулась. Писандр предпочёл хранить молчание. В его лавке духов только что появился третий «торговец». Управляющий-ливиец осветил лампой ряд нарядных алабастронов для юных девушек.

– Мама, она права! Ты ещё молода. Мама, ты очень красивая. Так многие говорят. – Дочь Аглаи, что стоит за спиной Мегисты, принимает сторону невесты.

– Не верь льстецам, Ананке! – Аглая хоть и говорит строго, но в её голосе звучит сомнение. – Чего только люди не скажут, лишь бы всучить товар.

– Мама, у тебя только тяжёлые коринфские духи. Попробуй афинские, нарядные! – Четвёртый «продавец» крайне настойчив. Аглая вопросительно смотрит в глаза Писандру, потом управляющему, но мужчины непроницаемы.

– Писандр, я попробую сладкие... *афинские*.

Торговец откупорил алабастрон. Облачко лёгкого, но сложного, с фруктовыми и цветочными слоями, слегка наивного аромата вырвалось из ярко-красного сосуда. Писандр прикрыл глаза, прикусил губу и покачался на носках, как при звуках чувственной песни. Аглая не может сдержать чувства и негромко вздыхает от восхищения. Управляющий-ливиец поддерживает настроение, его полный уважения взгляд – немая похвала вкусу клиентки.

– Беру. Уговорили. Втроём на одну. – Суровая Аглая расцветает в улыбке. – Но и коринфские любимые тоже возьму.

Лавка заполняется женским смехом. Смех весел, игрив и лёгок, как весенние духи.

– Писандр, у нас свадьба скоро. Приданое невесте подбираем. Поможете нам? – Аглая вновь приняла вид бравого командира лоха³⁶. Торговля в лавке закружилась. Женщины с уже не скрываемым любопытством осматривают масла, сосуды, шкатулки, духи, карандаши. Писандр едва успевает составлять список покупок. Управляющий со знанием косметического дела демонстрирует товар прямо на слуге.

³³ Пиксида – сосуд цилиндрической формы с крышкой, использовался как шкатулки.

³⁴ Аскос – плоский сосуд с ручкой на носике.

³⁵ Ольпа – кувшин с ручкой.

³⁶ Лох – тактическая единица греческой пехоты, в среднем сотня воинов.

Аристократки покидают лавку Писандра. Элегантно накидывают на головы милетские колдовские платки, живо обсуждают покупки. Аглая, прощаясь, прикасается ладонями к каменной прямоугольной плитке размером в локоть, что прижимает к животу владелец лавки женских грёз. Мегиста успевает украдкой помахать рукой Гермократу, стоящему у стены верфи. Четверо довольных Ксантиклов направляются, шурша элегантными платьями, к храму Афины. Писандр, управляющий-ливиец, а также слуга, покрытый слоями масел, духов, красок и чернил, провожают с поклонами важных клиенток. Мирон хлопает Граника по плечу.

– Друзья, нам пора. – Атлет шумно потирает руки, то знак верных прибылей, усвоенный им на агоре Ахрадины. Трое друзей спешат к торговцу. Тот победно подымает загадочную плитку над головой, плитка оказывается раскрашенным барельефом – изображением богини-покровительницы Эрис. Искусный резчик по камню от души потрудился над редким заказом – наделил божество верными пропорциями женского тела. Богиня очень занята – спешит на чёрных крыльях, её роскошное синее одеяние развеивается в полёте, в руках богини золотые яблоки. Серьёзное, одухотворённое лицо Эрис оттенка красноватого золота наполнено возвышенной страстью.

– Твоя невеста, мой Гермократ, нас сделает богатыми. – Писандр счастлив. Ливиец приветствует неразлучных друзей. Слуга куда-то спешит с пустым кувшином – очевидно, за водой, чтобы смыть с лица масло и краску. – Лавка духов, считай, пуста! Что теперь буду продавать? Надо срочно отплывать за товаром.

– О-о-о! Так-так-так! Мои и ваши вложения окупаются! – Мирон удовлетворённо потирает руки. – Жадные Ксантиклы заботятся о нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.